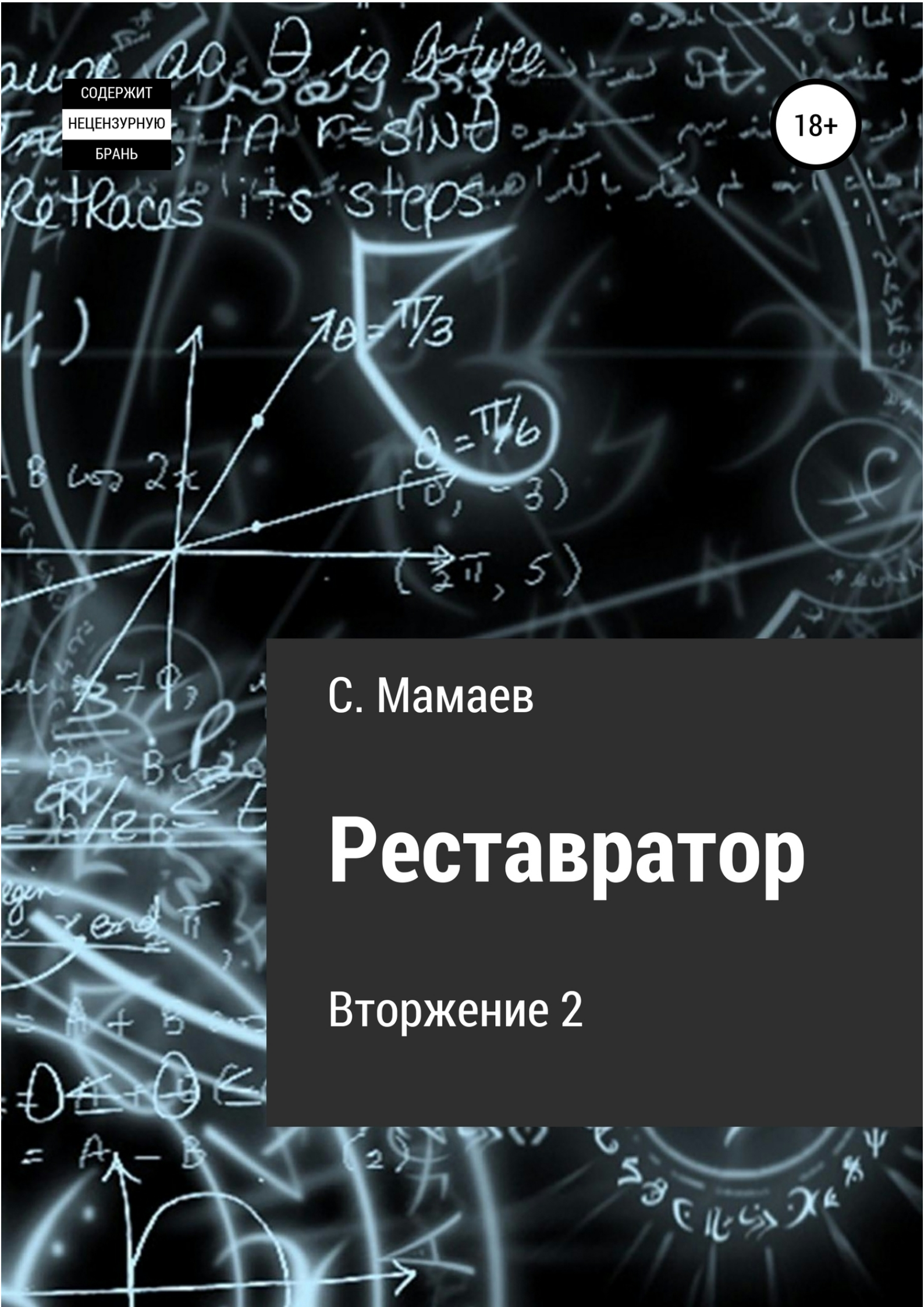

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

С. Мамаев

Реставратор

Вторжение 2

Сайфулла Мамаев

Реставратор

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Мамаев С. А.

Реставратор / С. А. Мамаев — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Москвич Олег Чернов, молодой одаренный художник, старательно скрывает свой талант. Он словно бы чувствует, какую беду могут принести людям его рисунки, но разве человек волен влиять на то, что происходит вокруг? Странные и страшные события послужили только началом прозрения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вторжение – 2	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	53
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Вторжение – 2

Талантливому художнику и моему большому другу, подсказавшему идею этой книги, посвящается.

*Начиналось следующее тысячелетие.
Земля находилась на пороге очередной войны.*

Глава 1

Время приближалось к полудню, а Олег Чернов так и не определился с извечным вопросом: что делать? Пятница, середина мая, на улице сыро и пасмурно, в душе еще хуже – холодильник пуст, доходов пока не предвидится, а в кармане денег с комариною душой! Пустить оставшиеся средства на бензин? А может, все-таки взять и уделить внимание холодильнику? Пусть для своих внушительных габаритов ел Олег совсем немного, но даже в таком режиме питания, если припасы не пополнять, они когда-нибудь кончатся.

Не доставая денег из кармана, мысленно пересчитал оставшуюся наличность. Насколько он помнил, там их оставалось ровно на полбака бензина. Хватит на пару походов в Бургер Кинг или КФС. Или купить колбасы, хлеба, пельменей? Так будет лучше, на более долгий срок хватит. Хотя, насколько долгий? На день? А там что? Или может поделить остаток денег пополам – залить четверть бака и поесть? Да нет, ерунда все это! Разве на такую малость купишь что-то путное? Да и неправильно это – проедать последние деньги. Пожалуй, правильнее будет накормить своего железного коня. Что поделаешь, Олег так привык к машине, что она стала частью его самого. Тем более красная «восьмерка» оставалась единственным, что еще напоминало о славных временах. Нет, выбор сделан, организм потеряет.

Не успел Олег принять такое решение, как в желудке засосало. Господи, да он же зверски голоден, даже в жар бросило!

Машинально, прекрасно осознавая, что холодильник пуст, все же поднялся, прошел на кухню. При всех своих выдающихся габаритах – рост под метр девяносто, ширина плеч как у былинных богатырей и такие же бугры мышц, что у античных атлетов на старинных греческих вазах, Чернов перемещался удивительно легко, потому в небольшой кухне не ощущал тесноты. Сказывались годы тренировок в цирковой школе, затем в различных секциях восточных единоборств. На обеих площадках Олегу прочили славное будущее, но все перечеркнула злосчастная травма, в один миг поставившая крест на его спортивных и профессиональных амбициях. Компрессионное сжатие спинных позвонков в тяжелой форме надолго приковали Чернова к постели. Хорошо еще прогноз на инвалидность не оправдался, врачи в один голос уверяли, что встать на свои ноги он уже не сможет. Но Олег встал. Встал ценой месяцев проведенных на гидроволновом стенде, затем на тренажерах и бассейне. А затем еще годы новых, специальных тренировок, укрепляющих мышцы травмированной спины. Здоровье и подвижность Олег себе вернул, но возвращаться в большой спорт или выходить, как его отец, на арену, он уже не мог.

Возвращение в прежнюю жизнь Олег отменил сразу, он с детства привык во всем быть первым, теперь же об этом не могло быть и речи, арена или канвас для него были закрыты. И хотя в спортзал Чернов все еще заходил, – теперь это занятие должно сопровождать его всю жизнь – но только для тренировок, выступать на соревнованиях он уже не хотел. Хотя предложения были, с появлением всевозможных направлений панкратиона и так называемых «боев без правил», кто только не предлагал Олегу выступить, какие только щедрые посулы он не слышал. Но нет, выступать за деньги, избивать коллег только за то, что они хотят немного заработать для нового Олега, того, что прошел через бесконечную боль и был на грани полной неподвижности, было невозможным.

Пришлось осваивать новую специальность, а если точнее, превращать хобби в профессию, так Чернов стал реставратором. Заниматься творчеством, вырезать, что-либо из дерева, лепить из пластилина или глины, рисовать, он любил с детства. Еще малышом его привели в художественную школу и пораженные учителя решили, что ребенок-самоучка работает на уровне третьего-четвертого класса. Когда же Олег оказался прикован к инвалидному креслу, то поневоле развил свои способности до того, что мог буквально из ничего создать шедевр. Один раз это даже привело к комичной ситуации. Упражняясь, он вырезал подходящей деревяшки

модель знаменитого карабина СКС, затем раскрасил ее и повесил на стене. Не прошло и двух недель, как в дом Черновых заявила милиция для изъятия незаконно приобретенного нарезного оружия. Какого же было удивление оперативников, когда они взяли в руки то, что они посчитали за карабин! Можно только посочувствовать тому осведомителю, по чьему доносу состоялась акция. Эта история потом разошлась по городу как анекдот, все смеялись и дивились мастерству Чернова. Тогда же к нему стали захаживать первые коллекционеры, ставшие первыми заказчиками молодого мастера. Оценив золотые руки Чернова, они же и прозвали его Реставратором. Да, хорошие деньки были, денежные. Тогда думать о наполнении холодильника не приходилось, не то, что сейчас.

Рука Олега уже тянулась к дверце белого страдальца, когда его остановил телефонный звонок. Чернов удивился, кто бы это мог быть? Наверное, кто-то из старых друзей – по делам Олегу давно уже не звонили. Не то, что до августовского кризиса, тогда телефон трещал почти непрерывно. Кто только не звонил – заказчики, знакомые, подружки. Иногда приходилось даже отключать аппарат, иначе преуспевающему реставратору просто некогда было бы работать. Куда все это делось? Лопнуло как мыльный пузырь. Банк, в котором находились счета фирмы Чернова, умер, дела встали, и, словно по мановению волшебной палочки, телефон смолк. То есть не совсем смолк – Чернову звонили, – да только теперь в трубке слышались разгневанные голоса кредиторов, а вот заказчики исчезли.

– Олежка? – Звонил Игорь Смоленский, школьный приятель. Из всех одноклассников только они трое – он, Игорь да еще Лешка Тарасов, продолжали поддерживать приятельские отношения. Остальных закрутило, завертело в круговороте дней, и кто сейчас, где и чем занимается – никто толком не знал.

– Игорь, рад тебя слышать! – Олег говорил искренне. – А то я уже начал думать, что и ты забыл мой телефон.

– Как же, забудешь тебя! – засмеялся Игорь. – Знаешь, сколько раз я замечал как у людей зрачки расширяются, когда они впервые видят тебя? Не, Олежка, таких гигантов как ты, не забывают!

Игорь, в школьные годы получивший прозвище Смола, тоже был далеко не хилак – рост метр восемьдесят два, мускулистый, ловкий, неплохой самбист. По натуре смекалистый и общительный, Смоленский уверенно чувствовал себя в любой ситуации, но равняться с Олегом, ему и в голову не приходило. У Смола еще в школе хватило ума понять – они находятся в слишком разных весовых, нет, даже не весовых, а, если можно так выразиться, силовых категориях. И хотя Олег был не склонен демонстрировать свое превосходство, не ощущать его было невозможно. Взять, к примеру, «ВАЗ», пусть даже одну из последних моделей, и хорошую иномарку. Нашу тюнингуй, не тюнингуй, хоть реактивный двигатель к ней приделай, но все равно «мерседес» из нее не получится! Поставь рядом или отправь на шоссе, разница налицо. Вроде бы равноправные участники дорожного движения, но вот равны ли?

Смола был честолюбив, но Олегу он не завидовал. Так уж сложилось, что отец Олега, тоже, кстати, Игорь, вернее Игорь Иванович, потомственный циркач, силовой жонглер, с детства готовил сына себе в преемники и уделял его тренировкам большое внимание. Природа одарила Олега недюжинной физической силой, и Игорь Иванович сумел добиться от ребенка серьезных результатов. Некоторые достижения младшего Чернова вполне могли быть занесены в Книгу рекордов Гиннеса. Все бы и шло, как оно шло, если б не родной брат Игоря Ивановича, журналист - востоковед. Еще в юности он решил, что арена не для него, и, изменив семейной традиции, подался вместо циркового училища в университет, на филологический факультет. Там Евгений Иванович увлекся древней философией и вскоре предался душой и телом модному поветрию – восточным единоборствам. А поскольку его специализацией был Китай, то прямая дорога привела его – юноша был таким же здоровяком, как и его брат-циркач, – к одному из самых жестких разновидностей борьбы – ушу-саньда.

Вернувшись в Союз, дядя принялся прививать племяннику любовь к ежедневным упражнениям по диковинной системе, так что теперь юный Олег, вместо того чтобы наращивать силу, развивал гибкость и скорость. Но что физическое развитие без духовного? Таинственная и многоуровневая культура Поднебесной империи не могла не зачаровать пытливого ум молодого силача. Когда Игорь Иванович понял, что упустил сына и тот упорно не желает поступать в цирковое училище, гневу его не было предела. Он смертельно обиделся на брата, а заодно и на сына, обвинив обоих в измене семейной традиции.

Между тем младший Чернов, продолжая удивлять близких, после школы подался в училище живописи и графики. То, что сын любит рисовать, родители знали давно, но что это настолько серьезно, никто не мог и предположить. Подумаешь, детские шалости! Картинки, мультики. или как их сейчас называю – комиксы. Да кто на них посмотрит? Детские игрушки, ребячество. Да одни сюжеты его картин чего стоят! Драконы, рыцари, мутанты... Детский сад, одним словом.

Что уж душой кривить: все домашние восприняли новый поворот в судьбе Олега как очередной бзик инфантильного дитяти. Ну не повзрослел еще! Пусть перебесится, наверное, у Олега просто позднее созревание. Придет время, и парень возьмется за ум. Игорь Иванович и сам не сразу к делу пристроился. Сказать по правде, дед в свое время тоже с ним намучился. Ухарь и драчун еще тот был! Хорошо еще Олег забиякой не уродился. А то при его данных и до беды было недалеко. Уж на что Игорь Иванович силен, но и он признавался, что тягаться с сыном не стал бы.

К чести младшего Чернова, пользовался он своим физическим превосходством довольно редко. Веселый нрав и природное добродушие позволяли Олежке обходиться без демонстрации своих возможностей. Да и желающих испытать на себе феноменальные способности отпрыска цирковой семьи не находилось. Так что класс, в котором учился Чернов, находился в несколько привилегированном положении – старшешклассники обходили его стороной и мало кто из них решался задирааться к друзьям маленького силача.

Но школьные годы, хотя и казались бесконечными, пролетели удивительно быстро, и когда-то дружный коллектив распался. Кто-то пошел учиться дальше, других призвали в армию, а некоторые пошли сразу на работу. Класс собирался все реже и реже, пока встречи не прекратились вовсе. Ребята все больше отдалялись друг от друга, и только Игорь Смоленский с Лешкой Тарасовым продолжали хранить верность мужской дружбе и своему лидеру. Это связь продолжилась, скорее даже усилилась в период лечения Чернова после травмы, когда только мама и друзья связывали Олега с внешним миром. Наверное, именно тогда у них состоялось неявное распределение ролей – Чернов воплощал в себе силу и надежность, веселый и никогда неунывающий Лешка отвечал за дух и настроение компании, Игорь же, как самый серьезный и педантичный, отвечал за общую организацию и порядок в коллективе.

И сейчас Смола позвонил Олегу, чтобы напомнить об одной дате, которую тот, всегда небрежно относившийся ко времени и датам, наверняка забыл.

– Ты, надеюсь, не забыл какой сегодня день? – спросил все понимающий Смоленский. – Или выпало из памяти?

Олег на мгновение задумался. Если уж Игорь говорит таким тоном, то это неспроста. На что-то он намекает. Елки-палки! Сегодня же четырнадцатое сентября, день рождения Лешки Тарасова!

– Вот-вот, вижу, что ты верен себе! – торжествующе заметил Смоленский. Ему нравилось ощущать себя таким координатором, в памяти которого хранятся словно в компьютере все мало-мальски важные события и даты, касающиеся их компании. – Вы же оба как дети малые, если не подскажешь, все на свете забудете.

– Зато мы знаем, что есть такой памятный и неугомонный тип, как Смола. Он всегда на чеку и не даст нам пропустить очередную торжественную дату, – отшутился Олег, зная, что другу будет приятно это слышать. – И он еще ни разу нас не подвел!

– Вот-вот, всегда так, – добродушно проворчал Игорь, довольный тем, что есть повод напомнить о своей педантичности. – У вас все на самотек. Тарас и сам наверняка забыл. Спорим, он не помнит даже, что еще не пригласил нас. А ближе к вечеру начнет трезвонить и требовать обязательной явки. Я же вас знаю как облупленных! Вот ты, например, сейчас сядешь и будешь искать повод, чтобы не прийти. Что, не так?

Именно это и было первой мыслью Олега – найти отговорку. Не может же он явиться к Лешке без подарка! Тем более что у того, можно сказать, юбилей – двадцать пять лет. Хорошо же он будет выглядеть, явившись с пустыми руками.

– Олечка, не буксуй! У тебя же есть друзья, а у них есть связи. Я еще почему звоню, у меня есть для тебя срочный заказ, – зачастил Игорь, не давая другу повод прервать разговор и уйти в свои проблемы. – Давай записывай адрес и заводи свою любимую тележку. Клиент торопится и готов хорошо приплатить за срочность. Получишь все наличными и прямо сегодня. Так что спеш. Офис находится на Вернадского, тебе еще ехать и ехать. И запомни, никаких отговорок, вечером явишься к Тарасу как штык.

– Игореха, ну ты меня выручил! Даже не знаю, как тебя благодарить, – опешил Олег под напором Смоленского. – Реально выручил!

– То-то же! – Смоленский довольно засмеялся. – Ладно, вечером увидимся. Если не замерзнем.

– Да, погода не по сезону холодная, – согласился Чернов. – Я человек южный, сколько уже живу в Москве, а никак не привыкну к здешнему климату. Ты как хочешь, а я надену куртку.

– Можно подумать, я в семье пингинов вырос, – засмеялся Игорь. – Да я еще вчера на осенний вариант перешел. И не только я. Сегодня утром выхожу на улицу, смотрю, а девчушки вокруг зачехляться стали. Плащи, колготки, куртки, будто в осень вернулись! Ладно, все, что надо я тебе сказал, теперь дело за тобой, действуй. Встретимся вечером, наболтаемся, а сейчас гони к заказчику, тебя ждут.

Олег улыбнулся и положил трубку, классные все же у него друзья! Вот как Игореху не любить? Да и Тараса тоже, оба они классные и хорошо, что у него они есть!

Вопрос, что предпочтительнее купить, бензин или продукты, отпал сам собой. Бензин, конечно! Прихватив дипломат с инструментами, Чернов поспешил к лифту.

* * *

Адрес Олегу был знаком. Это было длинное восьмиэтажное здание, ранее принадлежавшее номерному институту. Теперь здесь располагалось множество различных фирм. Одни, те, что побогаче, занимали по полэтажа, а то и весь целиком, но большинство арендовало два-три кабинета – арендная плата в Москве довольно высока.

Чернова ждали в триста восемнадцатом кабинете. Судя по тому, что вход на этаж преграждала массивная металлическая дверь, а в углу над нею торчала видеокамера, клиент был небеден. «Москва-Телеком» – прочитал он на табличке. И чуть ниже: «Провайдерская компания». Во блин! Это еще что за название такое? Интересная контора. Провайдеры, кто же это такие, интересно? Понавыдумывали слов мудреных! Скорее даже и не выдумывали, просто у капиталистов собезьянничали, а люди пусть мучаются. Как будто нельзя толком сказать, что делают. Ну да ладно, бог с ними, ему-то что? Как назвали, так и назвали. Заказ лишь бы нормальный был, а там посмотрим!

Пройдя мимо изображавшего бдительность охранника, Олег поискал нужный кабинет. Судя по всему, его вызвал руководитель компании, так как прямо под заветной цифрой была

прикручена табличка: «Приемная». Секретарь, стандартно длинноногая и худая, как велосипед, крашенная блондинка, ждала его. Не успел Олег представиться, как она вскочила и, поправляя куцую до невозможности юбку, бросилась к двери, на которой виднелась еще одна табличка.

«Генеральный директор Зубов А. Б.» – успел прочитать Олег. Блондинка распахнула дверь, за оказалась вторая. Открыла и ее.

– Александр Борисович! – проговорила она неприятно писклявым голосом. – Реставратор прибыл.

Ответа Олег не услышал, но по тому, с какой поспешностью его пригласили в кабинет, клиент действительно был в цейтноте. Олег вошел и огляделся. Большое светлое помещение было заполнено стандартным набором офисной мебели. Он на такие посмотрелся еще в те времена, когда его заваливали заказами. Новые коммерсанты, едва успев нажить небольшой капиталец, первым делом приобретали себе иномарку, а вслед за ней – якобы солидную мебель, предназначенную для тех, кто не видел, как должна выглядеть действительно солидная.

Олег не только как реставратор, но и как ценитель тонкой работы хорошо знал, что столешницы, сделанные вроде бы из древесного массива, на самом деле просто прессованные опилки, покрытые тонким прочным пластиком и толстым слоем лака. Дешево, красиво, но страшно вредно для здоровья. Хорошо еще если мебель выпущена добросовестным производителем, принявшим все меры, дабы исключить утечку паров входящего в клеевую массу этиленгликоля, а если нет? Чернов знал случаи, когда за таким вот столом сидеть было невозможно – глаза резало от выделений канцерогенных веществ.

Следующим, после мебели, приобретением коммерсанта зачастую был антиквариат. Вот тут уже можно было встретить все что угодно: от примитивнейшего новодела и до настоящих шедевров. Причем самого разного направления, начиная от кованых каминных решеток и деревянных ложек и кончая ювелирными изысками Фаберже. Часто встречались иконы. Потемневшие от времени до черноты, они зачаровывали своей красотой и недоступной силой. Чернов, тонко чувствующий энергию художников-богомасов, не раз ловил себя на том, что подолгу не может оторваться от творений старых мастеров. Конечно, такие находки были редкостью, в большинстве случаев новым русским подсовывали элементарную мазню под старину, но исключения все-таки бывали. Увидев в каком-нибудь офисе чудесное творение человеческих рук и души, Олег задумывался, откуда оно у клиента. В голову невольно закрадывалась мысль, уж не украдено ли оно из какого-нибудь музея. Вполне возможно, что так оно и есть, но разве это докажешь? Попытаться узнать? Но во времена массовой вседозволенности, в десятилетие, когда все только тем и занимались, что старались урвать что-нибудь от общего пирога, задавать лишние вопросы было не принято. Так можно было и без заказчиков остаться.

Олег прекрасно понимал, что это не совсем нравственно, может, даже вообще безнравственно, но что оставалось делать? Выставлять себя на посмешище таким донкихотом двадцать первого века тоже не хотелось. А раз так, то, как ни противно, приходилось играть по навязанным правилам.

На сей раз все оказалось проще. Клиент выбирал подарок другу – бывают же в жизни совпадения, у того тоже день рождения именно сегодня! Купил старинную трость, уж больно понравилось богатое серебряное плетение на палисандровом дереве. Да вот незадача, недоглядел! Пес директора, могучий ротвейлер, который сидел сейчас с виноватым видом в углу кабинета, решил попробовать новую игрушку хозяина на вкус. Что, естественно, плачевно сказалось на подарке. А ведь день рождения сегодня. И, что самое главное, Александр Борисович уже успел всем похвастаться этой тростью. Всем, кроме именинника. Да разве кто удержится, чтобы не проговориться? Наверняка тот уже все знает и ждет. Вот такая дурацкая ситуация сложилась, как теперь ни оправдывайся, люди подумают: пожадничал Зубов.

Чернов осмотрел трость. Да, что и говорить, ротвейлер есть ротвейлер, самая прожорливая и ненасытная порода. Сожрет все что угодно. Черт, вывел же кто-то эту колбасу с тигриной пастью! Вон у соседа, что живет двумя этажами выше тоже ротвейлер, только девочка, так та нашла под подушкой сиденья кресла брикет «антимоли» и съела его не поморщившись. Даже облизывалась потом.

– Для серьезной реставрации здесь потребуется время, – сказал Олег. Он не набивал цену, трость действительно была сильно повреждена. – Вот здесь нужно снимать весь фрагмент инкрустации и паять разрывы. А тут вмята древесина, нужно подбирать добавки к наполнителю. Иначе останутся пятна...

– Это исключено, – бесцеремонно перебил его Зубов. – Трость мне нужна сегодня к вечеру. Мне вас рекомендовали как очень хорошего специалиста. К тому же я готов стимулировать ваш энтузиазм материально.

– Но поймите, это же будет халтура! – Чернов терпеть не мог такие ситуации. Клиенту кажется, что реставратор набивает себе цену, а на самом деле он просто хочет хорошо сделать свою работу, чтобы потом не стыдиться и не прятать при встрече глаза. – Если я для вас не авторитет, обратитесь к другому мастеру.

Зубов опешил. Как это так, он, владелец, готов пойти на... ну, обман, это слишком громко, скажем, на хорошую поверхностную реставрацию, а мастер не хочет срубить легких денег? Это не по правилам. Так у нас не живут! Или, может, он просто глуп и не видит своей выгоды?

– Вас, кажется, Олегом зовут? – Заказчик решил сменить тактику. – Давайте поступим следующим образом. Вы сейчас придадите трости товарный вид, а я потом, попозже, возьму ее назад и передам вам для полноценной реставрации. Даже пойдем дальше. Я сейчас оплачу эту работу по срочному тарифу и дам задаток предстоящей. Теперь вы согласны? Вот и отлично, назовите вашу цену.

Олег еще ни на что не соглашался, он просто растерялся от такого напора. А клиент понял его молчание по-своему. Достав из бумажника солидную пачку портретов Франклина, он отсчитал десять бумажек и, протянув их Чернову, сказал:

– Это задаток. Вика, моя секретарша, проводит вас в комнату, где вам удобно будет заниматься своим делом. Сами понимаете, ко мне сейчас посетители должны прийти. Как закончите, милости прошу сюда же, в кабинет, получите еще столько же.

Олег, ошарашенный суммой, позволил секретарше, неизвестно как оказавшейся рядом, вывести себя из кабинета. Он шел за блондинкой и, рассеянно рассматривая ее сходящиеся в коленях Х-образные ноги в черных колготках, гадал, сколько же должна была стоить эта трость, чтобы за нее так щедро платили? Все же не начало девяностых – сейчас деньги научились считать!

– Сюда, пожалуйста, – пригласила Вика, входя в комнату. – Здесь есть свободный стол, Виталовский в командировке, так что располагайтесь. А если что-нибудь понадобится, девочки помогут вам со мной связаться.

Олег сел за стол и осмотрелся. Да уж, девочки. Две из трех находившихся в комнате дам скорее подходили под категорию бабушек, да еще неоднократных. Но зато третья сотрудница соответствовала словам секретарши на все сто!

Это была девушка лет двадцати двух – двадцати трех. Овальное лицо, обрамленное прямыми светло-русыми волосами до плеч. В падавших из окна лучах солнца они блестели точно шелк. Господи, как красиво, подумалось Олегу. Дальше уже можно было и не смотреть, достаточно было взглянуть на эти волосы, но не отметить совершенство всего остального реставратор просто не мог. Художник, сидящий в нем, этого не простил бы.

У девушки была отличная осанка. После травмы позвоночника, из-за которой пришлось оставить большой спорт, Олег обращал на это особое внимание. Большие золотисто-карие

глаза посмотрели на него из-под пушистых, загибающихся вверх ресниц. Какая у нее чудесная белая матовая кожа! А ноги! Боже, это сон! Длинная юбка с модным разрезом до середины бедра, которая при ходьбе, должно быть, выглядела весьма скромным одеянием, теперь, когда она сидела, такой явно не выглядела, открывая взгляду больше, чем обязана была скрывать. Ее нижняя часть, свободно упав, довольно откровенно являла взору роскошное бедро девушки. Да, вот это ножка! Обтянутая тонким, почти незаметным светлым материалом колготок, эффектно подчеркивавшим безукоризненную форму, она так поразила воображение Олега, что у реставратора стеснилось дыхание и пересохло в горле.

Вот бы нарисовать ее такой! И именно в этой соблазнительной позе, чтобы разрез вот так же ее оголял! Тонкая в щиколотке, она плавно переходила в идеально ровную длинную голень с прекрасно тренированными икроножными мышцами и далее в круглое очаровательное колено. Манящая форма высокого бедра, несколько сплюснутая твердым стулом, поражала безупречностью формы и вызвала столь грешные желания, что Олег вынужден был призвать всю силу воли, дабы отвести взгляд. Он вдруг поймал себя на том, что еще чуть-чуть – и он подойдет и погладит эту ножку.

С большим трудом заставив себя не пялиться на увлеченно барабанящую по клавиатуре русовласку, Олег принялся за работу. Вернее, хотел приняться, но взгляд то и дело съезжал на белеющую рядом восхитительную плоть. Да пропади они пропадом, все эти заказы, деньги и ротвейлеры! Какое значение имеет какая-то деревяшка, когда он встретил девушку своей мечты?

– Спасибо, Анна Сергеевна, – проговорила очаровательная соседка и, сверкнув на Олега светло-серыми, с легкой голубизной, глазами, встала. Елки-палки, держись, Олежка, рост у нее тоже самое как раз такой, как Чернов предпочитал у женщин – выше среднего, но не долговязая, где-то в районе метра семидесяти – метра семидесяти пяти. Может, даже чуть больше за счет обуви, но это уже не важно, теперь он знал, что любит именно такой рост.

– Я послала договор на принтер, надеюсь, что шефу понравится. – Девушка тряхнула волосами, словно чувствуя, что у Олега от этого темнеет в глазах, и направилась к двери. – А если у него будут замечания, снова придется вас потревожить.

– Ну что ты, Илсочка, в любое время! Какие могут быть между нами счеты? – низким грудным голосом ответила пожилая сотрудница. – У нас здесь прямо бюро добрых услуг, хочешь – договора отстукивай, хочешь лыжные палки чини.

При этих словах обладательница чудесного имени, полуобернувшись, бросила удивленно-оскорбленный взгляд на сварливую женщину. Ничего не сказав, вышла. Олег проводил Илсу глазами, тоскливо посмотрел на дверь, вздохнул. Серdito нахмурившись, принялся за работу.

Черт бы тебя побрал, ведьма старая, одной фразой все настроение испортила. Бывают же такие вредные бабки! Как будто сама молодой не была. А может, карга потому и ворчит, что завидует? Завидует молодости, завидует тому, что и в юные годы такой красивой не была? Ну конечно, можно поспорить, неприязнь пожилой сотрудницы объясняется именно этим. Еще бы ей не завидовать – ведь таких красивых, как эта светлоглазка, Олег еще не встречал.

Откровенно говоря, Олег был влюбчив и девушек своей мечты встречал регулярно, примерно раз в три месяца, иногда и чаще, но в последнее время что-то на красавицу ему не везло. Точнее красавицы были, вот только не задерживались они у Олега, день, два, от силы неделя и отношения заканчивались. Скучные они какие-то стали. Депрессия, что ли, всех накрыла? А ведь как раньше все здорово было!

Дела шли, денег море, квартира, машина, что еще нужно для того, чтобы беспрепятственно следовать зову природы? Только избранница. Или подходящая кандидатка. Их в Москве великое множество, и любвеобильная натура Чернова просто не могла смириться с тем, что столько чаровниц в Москве еще не дождалось его внимания и ласки. Он часто менял

подружек. Ему нравились разные: брюнетки, блондинки, шатенки. Вот такие русоволосые, как Илса, тоже очень нравились. И темно-русоволосые и светло, все нравились! Лишь бы фигурка была хорошая, как у латиноамериканок или итальянок, но ни в коем случае не как у манекенщиц. Этим, из-за худобы, Олег называл их дистрофичками, место в больнице, а не на подиуме! Женские ноги, как он говорил, должны быть красивые, рельефные (только ради бога без целлюлита), такие, какие бывают у профессиональных танцовщиц или спортсменов. Естественно, без перегибов – бедра велосипедисток или конькобежек Олег старался не вспоминать даже во сне! Лишь убедившись, что нижняя часть у девушки безупречна, он переводил взгляд на лицо. Симпатичная мордашка да в придачу тонкая талия и плоский живот – это было как раз то самое, от чего у Олега начиналось усиленное сердцебиение и просыпались древние инстинкты. А если при этом еще и грудь присутствует – песня, да и только! Упругая округлость, как раз под его ладонь, завершала картину – все, перед Олежкой богиня! Та, о которой он грезил всю жизнь!

Увидев такую, Чернов терял голову. Сон, покой, чувство реальности, все это и еще многое другое переставало для него существовать. Зато взамен приходило вдохновение. Влюбленность давала толчок его творческой природе, и он начинал рисовать. Рука словно сама собой летала над листом бумаги, штрих ложился к штриху, и постепенно появлялась картина. Настоящая картина, сильная, такая, от которой у тех, кто ее видел, дух захватывало. Правда, видеть ее могли только избранные. Олег не любил показывать свои работы. Он и сам не мог объяснить почему, просто чувствовал, что его творения не для праздного взгляда, не для выставок. И что самое поразительное, писал Олег вовсе не портрет очередной красотки. Если бы она, эта самая красотка, увидела, на что вдохновила художника, это стало бы для нее потрясением. На бумаге – Олег обычно использовал не традиционный холст, а простой ватман, а еще чаще обычную пишущую, ту что всегда был под рукой, – появлялись существа, которых никто и вообразить не мог. Он рисовал монстров. Мускулистые, часто глыбоподобные и почти всегда страшные, они до смерти пугали всякого, кто пытался хоть краешком глаза подсмотреть через плечо мастера и увидеть, что это он с таким увлечением рисует. Но такое случалось крайне редко. Олег решительно пресекал попытки заглянуть в свою душу, а то, что он выплескивал на ватман, казалось ему не чем иным, как темной стороной его собственной сущности.

Но как только рисунок был закончен, намеченная девушка тут же оказывалась в объятиях Олега. Чем объяснить эту странность своей жизни, Чернов не знал, возможно, это просто совпадение, а возможно, рисуя, он невольно получал психологический портрет своей пассии, после чего предугадать ее желания и выработать стратегию покорения не составляло труда. Хотя как можно, глядя на божественную красоту, видеть монстров, оставалось загадкой для всех, включая и самого Олега.

А может, все проще? Он парень видный, всегда пользовался успехом, и девушки сами не прочь ему покориться? А рисунок – это просто фишка такая? средство побороть свою нерешительность и стеснение? Бог его знает, Чернов предпочитал в это не вникать.

Вот только в последнее время – то ли безденежье прибило, то ли постарел, – что-то в Олеге изменилось. Что-то он слишком долго оставался без женской ласки. Нет, конечно, дежурные варианты существовали, и, когда гормоны били в голову, Чернову было кому позвонить, но вот для души они не годились. Для души нужны «богини», а их-то и не было. Перевелись они, что ли? Симпатичные девчонки, конечно, попадались, но все это было не то, не богини. Вроде и красивые, а без души, пустышки. И все почти на одно лицо, словно с конвейера сошли. Одинаковые прически, одинаковые рты, губы, носы, выражения лиц, все как матрешки на прилавке, глазу зацепиться не за что.

Олег уж думал, что это с ним самим нечто нехорошее происходит, может, он вообще уже не найдет свой идеал, даже рисовать бросил. И вот на тебе, поехал зеленых Франклинов ловить, а тут такое волшебное создание! Да еще имя такое сказочное – Илса. А талия, грудь,

глаза! Глаза у нее... Олег даже не сразу нашел, с чем можно сравнить ее глаза. Пожалуй, как у рыси. Да-да, точно! Такие же большие и красивые. И цвет необыкновенный, золотисто-карий, с небольшой, едва заметной даже ему, прозеленью.

Олег рассеянно взглянул на опустевший стул и вдруг опомнился. Господи, она же ушла! Олег похолодел. А если она не вернется? Вот болван, прости Господи, вместо того чтобы пялиться на трость и сдерживать дрожь, взял бы да познакомился. Даже парой слов не успел перекинуться. Телефон надо было взять. Да что это с ним, растерялся, что ли? Или просто не чаял встретить в этой конторе самую очаровательную из женщин? Наверное, иначе с чего бы он вот так сидел с чужой тростью? Дурень дурнем.

Олег в недоумении повертел полированный кусок дерева. Чертова безделушка, вместо того чтобы бежать за девушкой, сиди и паяй крученное серебро. А теперь еще и изжеванное этой муреной четвероногой.

Нет, не нужно отчаиваться. Илса же не просто так сказала, что может вернуться. Наверняка это был намек... Да и он, когда сделает трость, может пройтись по кабинетам якобы в поисках директорского. Точно, нужно быстрее заканчивать с заказом, получать грины – и вперед. И с заказчиком повезло, платит хорошо. Тут и на бензин и на котлеты хватит.

Глава 2

Лешка, как и предрекал Игорь, позвонил под вечер. Олег еле успел войти в квартиру, как раздался звонок. Еще не подняв трубку, Олег уже знал, кто будет на другом конце провода.

– Тарас, с днем рождения! – громко сказал он, еще никого не слыша, и собрался было продолжать стандартную поздравительную речь, но с языка сами собой сорвались простые, искренние слова:

– Хорошо, что позвонил.

И сразу куда-то отступило дурное настроение, в котором он пребывал несколько часов после того, как не нашел свою дневную богиню, даром что обошел все кабинеты. Илсу как будто спрятали! Он едва не натрубил секретарше Вике, которая почти силком отвела его к Зубову. Там Олег машинально, думая совсем о другом, получил вторую половину гонорара и, условившись о дате, когда приступит к полной реставрации, ушел. Он сам не помнил, как оказался возле своей машины. Эх, дурацкая несообразительность, нужно было плюнуть на все и спросить у секретарши, как найти Илсу. А может, завтра вернуться и спросить? А что, Вика наверняка знает и, если Олег пустит в ход свое обаяние, непременно скажет. Точно, так он и сделает. От этой мысли на душе у Олега стало еще праздничнее. Как же здорово все складывается, неужели везение стало возвращаться? Господи, пора бы уже, а то что-то затянулась черная полоса.

– Какой хрен «с днем рождения»?! – Голос Алексея оторвал Чернова от дневных воспоминаний. – Ноги в руки и ко мне! Стол накрыт, только вас, балбесов, где-то черти носят! До Смолы еле-еле дозвонился, теперь вот еще ты дурика валяешь.

– Я? – удивился Олег. – Да еще и минуты не прошло, как ты меня пригласил, а уже упрекаешь в медлительности.

– А как ты хотел? – продолжал шуметь Алексей. – Как будто ты не знал, что у меня день рождения и не знал, что я жду тебя? Вы же с Игорем у меня... Ну, чего говорить, сам все знаешь!

– Хорошо, хорошо, еду! – засмеялся Олег. – Только ты учти...

– Олешка, мы же с тобой друзья, – затараторил Тарас. – Я все понимаю, но мне начхать на подарки. Мы все бываем на мели, так что не смей комплексовать и приезжай. А если все-таки без подарка не можешь, то привези мне один из твоих рисунков. Я знаю, ты не любишь их дарить, но для друга можешь сделать исключение...

Олег еще раз помянул добрым словом Игоря Смоленского и довольно усмехнулся. Что ни говори, а выручил его Игореха.

– Ты как был торопыга, так им и остался, – остановил он Алексея. – Никогда не дослушаешь до конца. Я всего-навсего хотел сказать, чтобы ты ко мне со спиртным не приставал. Мало того что я вообще не пью, так еще и за рулем. А ты в прошлый раз весь вечер меня донимал.

– Ну ты даешь! – возмутился Лешка. – Друг называется. Я всего один раз оторвался, а вы уже год меня этим минусуете! Нет чтобы понять – я такой был в свой собственный день рождения. Не в твой, в свой! Так что нечего меня ругать.

– Ладно, ладно, успокойся! Все в порядке. А подарок я тебе уже приготовил, – не удержался Олег. Это была их общая болезнь еще со школы: заранее говорить о подарке. Впрочем, как теперь выяснилось, не одни они такие, сегодняшней заказчик тоже из таких оказался, тоже раньше времени имениннику о подарке разболтал. – Я тебе модем новый купил. Мне в магазине сказали, что это самый... Черт, как же слово это? Рульный, что ли?

– Темнота! – засмеялся Алексей. Он всю свою сознательную жизнь увлекался строительством радиостанций и занимался радиоспортом, что предполагало, кроме бессонных ночей, еще и близкое знакомство с паяльником. После того как стали доступны компьютеры и появи-

лась электронная почта, увлечение радиоспортом прошло, уступив место блужданию по Интернету. Ну а что интернетчику дороже всего, если не быстрый доступ к сети? Продавец, по крайней мере, другого не знал, о чем и сказал Олегу, а тот его послушал. И, как оказалось, не прогадал, – Рулезный, наверное?

– Точно, рулез! – подтвердил Олег. – И чего вы, компьютерщики, так язык ломаете? Наверное, чтобы выделиться: вот, мол, какие мы крутые. Хакеры, фриеры... чмокеры...

– Но-но! Я же тебя мазилкой не называю! – огрызнулся Тарас. – Ты же тоже любишь при случае завернуть. Ракурс, освещение, перспектива! Ладно, все, а то мне Верка уже кулаки показывает. Давай, ноги в руки, руки за баранку и вперед. Только не нарушай правил, а то, не ровен час, менты тормознут! Все, жду, отсчет времени пошел!

* * *

Олег, конечно же, опоздал. Да и как могло быть иначе, если ему пришлось еще заезжать за Игорем? Тот решил явиться на торжество со своей новой пассией, Мариной. Марина работала в том же офисе нефтяной компании, что и Смоленский, только в соседнем отделе, экономистом. Чернов ее уже видел. Так, ничего особенного. Не богиня, но и не брак. Игоря устраивает, и ладно.

Смоленский, в отличие от Чернова, был парень практичный и в подарок другу вез бошевскую кофеварку. На работе на День нефтяника каждому из сотрудников презентовали по такому бесценному прибору. А так как все шло к тому, что Марина вскоре переберется со всем скарбом к Игорю, то и надобность во втором агрегате отпала. Вот пусть Тарас и поит свежесваренным кофеем свою женушку. Или наоборот, с этим они сами как-нибудь разберутся.

Дождавшись, пока товарищ со своей подругой уселись, в конце концов, в машину – как все-таки «восьмерка» не любит пассажиров, – Олег снова принялся благодарить Игоря за выгодный заказ. Тот лишь отмахнулся. Ему всегда доставляло удовольствие оказывать услуги друзьям.

– Ерунда, Олег, с твоими руками, – Игорь сидел рядом с Мариной на заднем сиденье и украдкой гладил ее коленку, – ты бы мог такие деньги зарабатывать! Хочешь, я тебя познакомлю с одним парнем интересным? Татуировки делает. Он, правда, голубой, но зато мастер, каких в Москве мало. Жаком зовут. Был Жекой, стал Жаком. – Игорь рассмеялся. – Наверное, скоро станет Жаклин, но нам-то что, мы люди современные, в его личную жизнь не полезем. Зато знаешь, какие он бабки делает? Что косой косит! К нему вся модная тусовка Москвы в очередь становится. Клянусь, очередь на несколько дней вперед расписана.

– Очередь-то хоть на что? – шутливо спросил Чернов. – Я что-то не пойму куда ты меня пристраиваешь!

– В смысле. пристраиваешь? А ты об этом? – Смоленский не сразу понял шутку, а когда до него дошло, залился смехом. – Не-не, я только про татуаж! Вот там он мастер, про остальное не знаю.

Марина тоже не удержалась и прыснула.

– А что, в татуировке тоже нужно мастерство? – продолжал Олег. – Также мне, искусство нашли. Бери шаблон, прикладывай к коже и коли на здоровье. Правда, какое там здоровье, боль одна! Да и инфекцию можно занести.

– Нет, брат, ошибаешься. – Игорь, оставив Маринино колено, со значением поднял вверх указательный палец. – Татуировка – это целое искусство. Это тебе не синь тюремная. Жак с тенями, да что с тенями, с красками работает! Вот если бы он хоть разок глянул на твои рисунки. Те, что ты ото всех прячешь. Знаешь, Марина, какую красоту создает этот здоровый обормот? Обалдеешь! Но не дай тебе бог услышать, как он потом со своими картинами обходится, в обморок упадешь!

– Как? – незамедлительно спросила девушка.

– Сжигает! Представляешь...

– Смола, кончай преувеличивать! – Чернов недовольно скривился. – Тоже мне, шедевры нашел.

– Да что ты понимаешь в шедеврах? – не унимался Игорь. Чувствовалось, что разговор об этом заходил не раз и был довольно болезнен для обоих. – Сколько раз я тебя просил – дай хоть одну картинку! Одну! Нет, ты как собака на сене – сам на своем таланте не зарабатываешь и другим не даешь. Представляешь. Марина, этот балбес рисует шедевры, а затем их сжигает, чтобы они никому несчастья не принесли!

– Ладно, крутой бизнесмен, приехали, – Чернов прервал стенания Смоленского. – Нарисую я тебе как-нибудь... Чебурашку, повесишь ее на дверь, будешь гостей распугивать!

Несмотря ни на что, настроение у Олега было приподнятое. Ну не нашел он сегодня Илсу, что ж поделаешь? Завтра найдет. А не найдет, так другие появятся. Лешка пригласил на день рождения Веркиных подружек, по его словам, они очень даже ничего. Так что жизнь продолжается и нечего кукушаться. Друзья рядом, машина слушается, грины в кармане, что еще нужно?

Олег повернул к знакомой улице, в самом конце которой стоял дом номер восемнадцать. Это была обычная двенадцатизэтажка, и для Олега вся ее примечательность заключалась в том, что в ней жил их общий друг Тарасов, Подрулив к подъезду, он повернулся к Игорю:

– Выйдите здесь и подождите у подъезда, я поставлю машину на стоянку и присоединюсь, – сказал Олег и тут же поправился:

– Нет, зачем заставлять мерзнуть такую красивую девушку! Холодно, словно не май, а ноябрь на дворе. Твоя Марина легко одета, поднимайтесь наверх, а я вас догоню.

* * *

В дверь пришлось звонить дважды. Веселье было в разгаре, музыка на басах раскачивала стены, и Олег уже было решил, что придется ждать паузы между композициями, как вдруг дверь распахнулась и на лестничную клетку вылетел раскрасневшийся именинник. Увидев друзей и Марину, Тарас бросился к другу с раскрытыми объятиями.

– Сколько можно тебя ждать? – Было заметно, что виновник торжества уже изрядно загрузился спиртным. – Веркины подружки уже все в сборе, а вас с Игорем никак не дожدهшься. Не, братва, такие дела не пойдут!

– Тарас, ты бы попридержал коней! – Пользуясь правом длительной дружбы, Олег решил одернуть друга. Он не любил выпивших и не скрывал этого. – Что-то ты часто мне в таком виде стал показываться. Не пора ли остановиться?

– Пора! Пора, Олежка, пора, но, – Алексея качнуло, – Чернов, ты мне друг или не друг?

– Леха, ты меня на этот крючок уже в прошлом году ловил! – засмеялся Олег. – Если я сейчас скажу да, то ты сразу же потребуешь, чтобы я выпил! Друг, Лешка, конечно друг, но пить не буду.

– Это кто там пить не будет? – послышался грудной женский голос, и на площадку вышла девушка, наверное, одна из подружек Веры. Среднего роста, с аппетитными формами, грозящими, однако, вскоре превратиться в роскошные, кареглазая шатенка плотоядно смотрела на Чернова. Пышные волосы, эффектно оттеняя белизну лица, крупными красноватыми волнами тяжело ложились на покатые плечи.

– Леша, ты садист и негодяй! – низким томным заявила она, не отводя больших глаз от нового гостя. – Такой экземпляр держишь в коридоре, а мы там изнываем в одиночестве!!

– Кариночка, это не экземпляр, – возразил именинник, шутливо кладя руку на тонкую талию шатенки. – Олег мой старый и самый любимый школьный товарищ.

– Да нет, почему, экземпляр тоже неплохо звучит, – перебил его Олег. Теперь он уже точно знал, что спать одному ему сегодня не придется. Уж больно яркая красotka встретила его у входа. Таковую просто нельзя пропустить. – Может, мы все-таки войдем? А то соседи, наверное, от дверей своих не отходят.

Вера, увидев Чернова, обрадовалась. Понимая, что Игорь и Олег чуть ли не единственные, кто по-настоящему любит ее мужа, она всегда старалась подчеркнуто гостеприимно встречать обоих. И хотя в этом был некоторый расчет, Вера в самом деле дорожила такой дружбой и не стеснялась это показывать. Ребята же, видя, что эта симпатичная женщина любит их товарища, старались поддержать ее во всем. Тем более что и сама Вера была настолько трогательна в своей заботе о муже, что не могла не понравиться его одноклассникам и вскоре стала совсем своей в их маленьком, но дружном коллективе.

– Олечка, как я тебе рада! – Вера от души чмокнула Чернова в щеку и тут же стала стирать с него помаду. – Какой ты сегодня... впечатляющий. Впрочем, правильнее сказать не сегодня, а всегда. Идем, я тебя со своими девчонками познакомлю. Есть очень красивые, между прочим. Обалдеешь, все в твоём вкусе!

– Да я уж с одной познакомился, – с усмешкой сказал Олег. – Кажется, Кариной зовут.

– Каринка? А что, нормальная девчонка! – Хозяйка уловила легкую иронию в словах гостя и поспешила вступить за подругу. – Ну разве что немного меньше других прячет свой повышенный интерес к мужчинам. Так это ж вполне современно. Да и честнее. По крайней мере, в газетах пишут, что на Западе...

Дальше Олег не слышал. Едва он, увлекаемый хозяйкой, вошел в небольшую гостиную, заполненную людьми, как ему показалось, будто на него рушится потолок. Господи, да это же она, его сегодняшняя богиня! Вот так подарок! Он нашел ее! Нашел свою Илсу! Ту, про которую он думал, что уже безвозвратно потерял. Ту, ради которой он хотел с завтрашнего утра начинать дежурство у входа в офис фирмы с таким странным названием...

На этот раз Илса была в облегающем тонком светлом свитере, подчеркивавшем соблазнительную, хорошей формы грудь и тонкую талию. Из-под свитера выглядывала короткая кожаная мини-юбка, прикрывающая лишь верхнюю часть бедер, которые еще днем произвели на Олега неизгладимое впечатление.

Олег тихонько перевел дух. Вниз он старался не смотреть, прекрасно зная, как на него действуют красивые ноги. Нет, положительно сегодня его день! Второй раз судьба сводит его с этим чудесным творением природы, и он будет полным дураком, если упустит ее и на этот раз.

– Олег, это Лена. – Вера представила ему худенькую, очень симпатичную девушку, почти девочку. Та протянула ему узкую ладошку.

– Какой вы большой! – кокетливо заметила она. – Даже страшно.

– Не бойтесь, я не ем детей, – отшутился Олег, тревожно ожидая момента, когда его познакомят с Илсой. Он сказал это, просто чтобы что-то сказать. Ему было совсем не до разговоров, все еще не верилось, что могут быть такие совпадения. Но девчушка осталась довольна.

– А я и не ребенок! – заявила она, гордо вскинув хорошенькую головку. – И вполне могу за себя постоять.

– Олег, а это Толик, наш товарищ. Лешка говорит, что Анатолий лучший программист из всех, кого он знает. Толик и Лена работают теперь вместе с Алексеем, – продолжала Вера. Словно извиняясь за неловкость, она мягко посмотрела в глаза подруге и успокаивающе подмигнула. Потом повернулась к другой гостье. Уж эта была явно не из тех, кто мог заинтересовать Олега. Светловолосая и полненькая – вот и все, что он увидел.

– А это наша Неля, – представила ее хозяйка дома.

– Мой ангел-хранитель, – добавил Алексей, – и вредный главный бухгалтер по совместительству.

– Ну вот, представил называется, – со вздохом сказала Неля. – Попробуй теперь прийти с не правильно оформленным отчетом.

– Нелька, не вредничай! – засмеялся Тарас. – А то Олежка подумает, что ты злобная фурия, а он у нас единственный не занятый кавалер на сегодня.

– Вы знаете, Олег, Леша много рассказывал нам о вас, – вмешался Толик. Он почувствовал, что Алексея заносит, и поспешил вступить в разговор. – Мы слышали, вы потрясающий художник.

Олег вздрогнул. Вот черт, и кто Тараса за язык тянул? Вечно болтает! Олег считал свое увлечение делом сугубо интимным, никакая реклама ему была не нужна.

– Это преувеличение, – сказал он.

– Нет, правда, вы зря скромничаете, – сказала Неля, довольная тем, что разговор больше не о ней. – Здесь же все свои, показали бы!

– Вам прямо сейчас? – Олег насмешливо поднял бровь. – Или есть возможность немного подождать?

– Олежка, ну не сердись! – Вера шутливо дернула его за руку и виновато улыбнулась. – Все мы знаем твою скромность, но ведь ты же талант, и всем очень хочется посмотреть твои работы. Мы даже нашу Илсу заманили сюда, обещав ей встречу с великим художником. Лешка показал нам рисунок, который ты ему подарил в прошлом году, и теперь все как больные сидят. Олег действительно подарил Тарасу один из своих рисунков. Вернее будет сказать, тот так долго клянчил, что Олегу пришлось быстренько набросать ему что-то в стиле фэнтези. Он уже и не мог вспомнить, что нарисовал, но еще раз пожалел о сделанной уступке. Чуткая Вера вовремя уловила возникающую напряженность и, опередив события, повернулась к единственной не представленной гостье. Взяв девушку за руку, она подтолкнула ее к Чернову.

– Вот, Илса, знакомься, это тот самый обещанный Олег, – сказала она.

Олег почти не слышал, что говорит Лешкина жена. Он оторопело смотрел в огромные золотисто-карие глаза и думал: все, теперь он уж точно пропал. Он просто не сможет отвести глаз и будет вот так стоять как последний идиот и молчать. Хорошо еще, что хоть Вера не молчала.

– Илса моя школьная подруга, но ты ее раньше не видел, они с мамой только недавно вернулись из-за границы, – продолжала она, мастерски исполняя роль хозяйки дома. – С их отъездом из Испании тамошний дипломатический корпус сразу же опустел, но зато ко мне вернулась моя подруга. Ну вот и все, теперь все в сборе, все представлены, прошу за стол! Давайте, давайте, Лешка, ну приглашай, а я сейчас...

Вера убежала на кухню, но гости не спешили следовать приглашению и продолжали знакомиться друг с другом. Кое у кого на уме было нечто иное, а праздничный стол отошел на второй план.

– Так, девочки, первой Олег будет рисовать меня. – Карина уверенно взяла художника под руку и, прижавшись к нему упруго-мягким бедром, заглянула в глаза. – Я первой его заметила.

– Вы ошибаетесь, – сказал Олег, больше всего желая прекращения этого разговора. Он не отстранялся от девушки, но голос его звучал холодно и отчужденно. – Я не пишу портретов.

– Судя по тому, что нам здесь показали, ваш стиль фэнтези, это так? – поспешила заметить хозяйку Лена.

– Фэнтези? Вот здорово! Это сейчас актуально!

Это сказал Анатолий, программист. Было непонятно, то ли он спрашивает, то ли утверждает, а потому Олег лишь неопределенно кивнул головой. Даже если этот Анатолий и хотел спросить, он все равно не станет отвечать. Как они не поймут, что он не хочет быть заказным портретистом?! Он вообще не умеет рисовать на заказ. Разве люди поймут, если Олег им скажет, что, садясь перед чистым листом, он еще не знает, что на нем будет. Не знает, и все. Просто душа... или, может, еще что-то находящееся в нем, требует, чтобы он дал выход своей

энергии в рисунке. В такой момент он просто не может не водить стержнем шариковой ручки по бумаге. Авторучка заменила ему кисть. Чернов сам не знал почему, но рисовать мог только ею. И как рисовать! Штрихи, тонкие и четкие, ложились так, что буквально в течение нескольких минут изображение приобретало выпуклость, объемность... Кое-кто из немногочисленных счастливиц, видевших его творения, говорил потом, что рисунки сделаны в цвете, хотя на самом деле это было не так. Чернов использовал только двухцветные комбинации: белая бумага, черный стержень.

– Я не готов определять свой стиль. Я не зарабатываю этим деньги, а потому могу не ограничивать себя рамками какого-либо жанра. – Олег мягко высвободился из рук Карины и обвел взглядом стоявших около него девушек. Он почувствовал, что разговор принимает слишком серьезный характер, и решил перевести все в шутку:

– Да и зачем, если действительность краше? По крайней мере, я вижу, что природе удалось создать шедевры, не подвластные кисти художника. Такие красавицы, какие собрались здесь, просто не заслуживают того, чтобы мы говорили о каких-то жалких копиях. Смотрите на оригиналы и наслаждайтесь!

Тут Олег спохватился, что несет что-то не то, и пустил в ход свое обаяние, которого у него было в избытке.

Высокий, метр восемьдесят девять, широкоплечий, он брился наголо, но при этом оставлял рыжеватую бородку, которая прекрасно шла к его светлым болотисто-зеленым глазам на узком лице. С мощным, сухим, без единой жиринки, торсом на длинных, подвижных ногах, он мог показаться кому-то немного тяжеловатым, но, если бы этот «кто-то» так подумал, он скоро бы убедился в том, что ошибается. Чернов был очень подвижен и гибок. Все, кто видел его в спортзале, отмечали удивительное сочетание быстрой, практически мгновенной реакции с известной всем силой. Ко всему этому надо было прибавить легкую походку, грациозные, по-кошачьи мягкие движения. В общем, Олегу Чернову было совсем нетрудно производить впечатление опасной личности, впрочем обманчивое. Хотел Олег того или нет, но именно это неотразимо действовало на слабый пол. А его остроумие и уверенность в себе помогали объекту, на который он нацелил свое обаяние, расслабиться и поддаться чарам искусителя, то есть даже не поддаться, а оправдать в собственных глазах неудержимое желание сдать поскорее и броситься в объятия этого гиганта с пьянящими глазами.

Необходимо добавить, однако, что Олег вовсе не был коварным соблазнителем. Нет, он искренне любил своих «богинь» и с удовольствием поддерживал с ними дружеские отношения, даже когда их связь уже давно кончилась. Что, впрочем, совсем не означало, что она не начнется вновь. Но одно было неизменно – все девчонки признавали, что им с Черновым было легко и уютно и они на него не в обиде.

– Олежек, не скромничай! А то получается как-то странно. Тут Лешка тебе такую рекламу устроил, девчонки заинтригованы, а ты начинаешь отнекиваться, – со смехом сказала, войдя в комнату, Вера. Уж она знала, что означал огонек в глазах Олега. Уже не с первой подружкой его знакомила в надежде, что он, в конце концов, угомонится и женится, но все бесполезно. Поставив на стол очередное блюдо, Вера улыбнулась. – Вижу, сегодня даже у тебя голова закружилась. Такой выбор! Но ты соберись, соберись! Я бы на твоём месте момент не упустила.

– А в каком стиле ваше творчество? – Неугомонная Карина, ясно и недвусмысленно заявляя о своих намерениях, вновь положила руку на его предплечье. Она приняла слова хозяйки квартиры на свой счет и решила закрепить свои права на Чернова. – А это правда, что вы рисуете только шариковой авторучкой?

– Да, именно так, – подтвердил за Олега Игорь. – Причем все выходит так, что некоторые люди эти рисунки за фотографию принимают.

– Не может быть! – усомнилась Неля. – Шариковой авторучкой? А как же краски, как же цвета, нюансы, оттенки... Нет, такого не может быть. Пока не увижу, не поверю.

Олег внутренне усмехнулся. Ну вот, еще одна готова хоть сейчас ехать смотреть картинки. Прямо хоть групповуху устраивай. Вот только не лежит душа к вам обоим, не вы нужны, не вы.

– Я не люблю краски, с ними много возни. – сухо сказал Олег. – А вообще, Леха, здесь кормят или нет? Я сегодня весь день на ногах!

– Кормят, наш большой мальчик, конечно кормят! – отозвалась из кухни Вера. Олег всегда удивлялся, как она умудряется всюду поспевать – и с гостями поговорить, и у плиты постоять, и стол накрыть. – Уже несусь, давайте, гости дорогие, садитесь за стол, я сейчас! И вообще, пора и за именинника выпить!

– Ага, – добавил Игорь вполголоса, – всем, кроме самого виновника.

Олег укоризненно посмотрел на товарища, но тот лишь улыбнулся. Все равно все видели, что виновник торжества уже слегка подшофе, так чего кокетничать?

Глава 3

Празднество стало принимать более организованный характер. Гости начали рассаживаться, при этом ловкая хозяйка, заметив, что Олег то и дело поглядывает на Илсу, устроила так, что они оказались рядом. Олег с благодарностью посмотрел на Веру и, поймав ответный понимающий взгляд, не сдержал улыбки. Он даже не заметил, что это не ускользнуло от Карины, которая недовольно поджала губы. Вера, по ее мнению, поступила нехорошо: видела же, что Карина первая положила глаз на этого гиганта. Это нечестно! Ну да ладно, еще не вечер... вернее, не ночь, еще посмотрим, чей верх будет! Или низ, не важно, главное – с кем.

Как бы все трое удивились, если бы узнали, что перемигивания и переглядывания не укрылись от соседки Олега по дивану. Щеки девушки стали пунцовыми, но все были поглощены наполнением своих тарелок и рюмок, а потому никто этого не заметил. Илса быстро опустила голову, боясь, что ее выдадут глаза. Не дай бог сосед почувствует что-нибудь.

Илса хотела отодвинуться, но двигаться было некуда, получилось только хуже. Чернов, понимая затруднения соседки, решил помочь и отодвинуться, но его шевеления при весе за сто килограмм, привели к тому, что диван прогнулся и легкая Илса не удержалась на гладкой кожаной поверхности, соскользнула вниз, прямо к Олегу, чему тот несказанно обрадовался. Но не подал вида, естественно. Девушка еще раз попробовала незаметно отодвинуться, но тщетно, ее маневры привели только к тому, что бедро Илсы все теснее и теснее прижималось к твердой мужской ноге. Знала бы она, как это было приятно Чернову и как ему сейчас хотелось оказаться вместе с ней где-нибудь в другом месте. Думается, узнай она грешные мысли своего соседа, от ее щек можно было бы разжигать костер.

– Игорь, а как ваши аналитики оценивают такой подъем стоимости нефти? – неожиданно спросила Неля. – Сейчас-то вам, конечно, хорошо, но не ждете ли вы потом резкого падения?

Смоленский, дожевав кусок телятины, запил ее колой.

– Знаешь, я бы сказал так, если судить по тенденции движения котировок, – начал он, решая, что пора и ему показать свою значимость, но продолжить не смог.

– Игорь, Неля, вы не обижайтесь, – вмешался Олег, – но давайте я лучше расскажу одну байку.

– Точно, Олежка, давай! – поддержал его Тарас. – А то эти умники...

– Леша! – с нажимом произнесла Вера и тут же мягко добавила:

– Не мешай.

– Авиационный полк. Идут учения, – начал Олег. – Всем экипажам раздали задачи, провели тренаж, ждут команду на вылет. А тут, как назло, погоды нет, все в казармах сидят. Час, сидят, два... Ну, начальник штаба, как водится, сбегал к себе, принес пару пузырей огненной воды, стали они с командиром разминаться. Ну а чтобы это была не пьянка, а мероприятие, пригласили и замполита. Употребили по сто, потом еще и еще. За этим занятием проходит час, другой. Командир и говорит замполиту: а чем там личный состав занимается? Ну-ка иди, проверь!

Замполит – делать нечего, приказ есть приказ – выходит. Там подслушал, здесь кусок разговора выхватил. Возвращается и докладывает: так, мол, и так, о бабах говорят!

Олег вдруг остановился и, обведя взглядом сидящих, сказал:

– Прошу прощения у присутствующих дам, но армия, из песни слова не выкинешь.

– Да ладно, братуха, мы же с пониманием, – поддержал друга Лешка. – Давай чеши про баб дальше!

– Ну хорошо. Докладывает замполит, что экипажи про баб да про пьянки говорят. Командир со штабником перемигиваются. Все класс, наливай еще! Усидели бутылку, решили снова проверить, чем люди заняты. Замполита вперед, на пробивку личного состава. Возвращается,

докладывает. Картина та же, но спорят уже с остервенением, вот-вот подерутся. Командир отмахнулся. Ерунда, мол, наливай! Налили. Еще час проходит. Опять замполита на разведку. Тот приходит, глаза сияют. Мол, все в порядке, теперь экипажи о полетах, о задании говорят. Рассказывают, как в воздушных боях участвовали.

Командир – глаза круглые, кулаком по столу бабах! Орет: «Вот гады, когда только напиться успели!»

Когда смех утих, Игорь посмотрел на друга:

– На нас намекаешь? Так мы еще и не выпили толком!

– Тогда как ты можешь о какой-то нефти, о работе, о котировках, когда вокруг столько красивых девушек? – Олег сделал движение, словно хотел развести руками, но передумал. Такая теснота, не дай бог еще кого-то заденет. – Давай лучше тост красивый скажи, ты умеешь.

Смоленский улыбнулся, тосты он говорить умел и любил. Быстро проверил, у всех ли налито, и завел одну из самых своих красивых историй. Это была притча о дружбе. Все, кроме Олега и Лены – оба были сегодня за рулем, – дружно выпили. Краем глаза Олег заметил, что соседка тоже не притронулась к рюмке. Перехватив его взгляд, Илса улыбнулась.

– Скажите, Олег, а что вы делали сегодня в нашем офисе? – спросила она вполголоса. – Так забавно было вас видеть с секретаршей шефа. Она просто пожирала вас глазами.

– Да? – удивился Олег. – А я и не заметил. Ваш шеф попросил меня срочно подправить трость. Ну а Вика привела меня к вам. Вот и все.

– Да, он любитель старины, – сказала соседка. – Ну и как ваше задание? Справились?

Олег улыбнулся. Не рассказывать же ей о нелепом требовании заказчика? И обо всем, что сопутствовало выполнению оно. Лучше отшутиться.

– Увидев вас, я преисполнился готовности справиться с любой трудностью, – с улыбкой сказал он, глядя в волшебные манящие глаза. – С любой...

– И как вам у нас? – продолжала Илса, словно не слыша. – Понравилось?

– Послушайте, Илса, может, перейдем на ты? – предложил Олег, а про себя подумал: интересно, пойдет она на сближение или нет?

– Да, пожалуй, так будет лучше, – согласилась девушка. – Мне не нравятся все эти официальные вы, вас и все остальное. Уважение, оно или есть, или его нет, а внешние формы не так уж и важны. Внешние формы – дело вторичное.

«Ну, не скажи! – подумал Олег, украдкой бросив взгляд на соблазнительную грудь соседки. – Нет, моя девочка, формы – вещь немаловажная. Особенно такие, как у тебя».

Его взгляд не укрылся от девушки, и она, поняв двусмысленность того, что сказала, покраснела до ушей.

– А что это за странное название у вашей фирмы? – стараясь сгладить неловкость, спросил Олег. – Провадерская?

– Провайдерская, – поправила Илса. – Мы предоставляем пользователям доступ в Интернет.

– Пользователи – это...

– Это все, кто пользуется услугами провайдера, – опередила его девушка. – Нашими или других провайдеров, не важно. Все они пользователи.

– Значит, в Интернет можно попасть через вас? – искренне удивился Олег. – А я думал, что это должна быть телефонная станция. Все же вам звонят... Я у Лешки видел, когда у него на работе был. Вот уж он мучился, все никак не мог дозвониться.

– Все так и есть, – подтвердила девушка. – Как раз на АТС и стоит наше оборудование. Там же сидят программисты, инженеры и операторы. А на Вернадского находится офис. Руководство, бухгалтерия и экономисты... да, и еще наш отдел, юридический. – Девушка засмеялась и покачала головой. – Это же надо, про себя чуть не забыла, – пояснила Илса, заметив удивление Олега.

Она повернулась к нему, отведя рукой упавшую на лоб прядь, и негромко спросила:

– Ну, а вы... ты где работаешь?

– Я... я сейчас безработный, – ответил Олег. – А раньше у меня была своя фирма. Были свои художники, свои мастера-реставраторы, своя студия. Все было, но...

– Так ты, – Илса удивленно округлила глаза, – ты реставратор? Настоящий? А я думала, у шефа ты просто халтурил! Так, значит, ты можешь починить? Все-все?

– А что, есть такая необходимость? – Чернова позабавило, как по-детски она это спросила, но он не подал вида. Зачем смущать человека? Тем более такого очаровательного. – Кайся, что сломала?

– Да лучше даже не вспоминать! Я сделала ужасную глупость – поломала мамины любимые часы – сообщила девушка, лицо ее приняло огорченное выражение. – Старинные, напольные. Хотела к ее приезду пыль стереть, помыть, но дверца взяла и отлетела. Я ее даже не трогала! Честное слово, она сама... упала. И треснула! Там, где петли крепятся.

– Ну, это поправимо, – успокоительным тоном сказал Олег. – Мне нужно только взглянуть на твои часы, и я скажу, сколько времени мне потребуется, чтобы сделать все так, что никто ни о чем не догадается.

– Боже, где ж ты раньше был? – воскликнула Илса. – Так не хочется маму расстраивать.

Чернов боялся поверить в свою удачу. Неужели все разрешится так просто? Вот так подарок. Если бы еще эта мама вернулась только завтра! А еще лучше послезавтра.

– И когда же возвращается мама? – с замиранием сердца спросил Олег.

– Завтра. – Засветившиеся надеждой чудесные глаза тут же погасли. – А я так хотела...

Есть! Так и есть, кончилась его черная полоса! Все-таки не все еще так плохо в этом мире. Пора переходить к решительным действиям. Удача на его стороне, и теперь главное – не суетиться, не спешить. Девчонка не балованная, спугнешь, и все, пиши пропало.

– Тогда нужно срочно осмотреть, определить объем работы и приступить. Есть лаки, которые имитируют старину так, что и не отличишь. Но они долго сохнут, – начал Олег плести свою сеть. – Да, вот еще что. Сначала необходимо заехать ко мне за инструментами.

– Но, – Илса замялась. – А как же... Олег, не обижайся, но это, наверное, будет не очень удобно – бросить здесь всех и уехать. Что люди подумают?

– Ну, это поправимо, – успокоил ее Олег. – Я сейчас сошлюсь на дела и уеду. посижу внизу, а ты минут через двадцать спустишься и мы поедем.

– Олег, не обижайся, но я не могу, – перебила его девушка. – Мама расстроится, если узнает, что...

Договаривать Илса не стала. И так было понятно, что она хотела сказать. Олег если и был раздосадован, то разочарован точно не был. Наоборот, Илса ему нравилась все больше и больше.

– А во сколько приезжает мама? – спросил он.

– Вечером. – Илса поняла мысль Олега. И оттого, что он не стал настаивать на немедленном визите, ей стало легче согласиться на встречу в дневное время. – А ты успеешь?

– Давай адрес и назови час, когда я смогу начать, – сказал он деловым тоном.

– Да в любое! Ой, я же буду на работе! – вдруг вспомнила девушка и расстроилась. – Хотя нет, я могу позвонить и отпроситься! А, так я же могу взять отгул, сегодня наш шеф на банкете, завтра наверняка его не будет. Даже если и придет, все равно могу взять отгул. У меня их целых три накопилось.

– Итак? – Олег затаил дыхание: неужели ему еще может повезти?

– Ладно, решено, завтра, если тебя это не затруднит, приезжай к десяти. Это не слишком рано?

Ответить Олег не успел – в разговор вмешалась Карина:

– Илса, ну что вы там все шепчетесь? – Манерно улыбаясь, она встала из-за стола и сладко потянулась. – Именинник, я хочу танцевать. Верочка, включай музыку! Наши кавалеры такие стеснительные, что сами не додумаются пригласить. Игорь, посмотри на Илсу! А ты, Толик, почему о своей соседке забыл? Давай, Лена, вытягивай его, все равно никто не пьет, так что хватит тосты говорить.

Сбросив красный пиджак и оставшись в прозрачной блузке, она подошла к Олегу и присела в легком книксене. Короткая юбка почти не скрывала ее слегка полноватые, но тем не менее не утратившие своей привлекательности ноги, прямые, хорошей формы. Черт, какой сегодня удивительный день. Прямо наваждение какое-то. Сразу две кандидатки в «богини»! Одна – что называется, женщина-вамп, яркая и аппетитная, другая – истинная леди, утонченная и очаровательная. Первая – сама страсть, вторая – воплощенная нежность!

– Можно вас? – с вызовом спросила Карина. Кареглазая поняла, что если самой не проявить инициативу, то можно и не дожидаться приглашения. А уступать этой холодной и высокомерной ледышке Илсе? Ну уж нет, ни за что!

Олег с трудом оторвал глаза от просвечивающего сквозь тонкую ткань круглого выпуклого соска роскошной груди. Оказывается, бюстгальтер у нее такой же прозрачный, как и блузка!

Олег нервно сглотнул.

Карина заметила, куда направлен взгляд молодого человека. На это она и рассчитывала. Победно, улыбнувшись, Карина бросила быстрый взгляд на Илсу, и не успел Олег встать, как она тут же приникла к нему всем телом.

– Как я люблю блюз, – прошептала она. – А ты?

– Я не разбираюсь в музыке, – ответил Олег, чувствуя, что его пробирает дрожь. Елки-палки, нельзя же так плотно прижиматься! Они же не одни. Небось выглядят по-идиотски. Но если он сейчас попытается отлепиться от Карины, будет еще смешнее. – Я делю ее на громкую и тихую.

– И какая же тебе больше нравится? – Карина двигалась ритмично и легко, но не отрывалась от него ни на секунду.

Олег запаниковал. Как ни нравилась ему Илса, но близость Карины действовала на него весьма возбуждающе. Олег мысленно выругался, черт побери, если Карина не прекратит свои штучки, то ему скоро придется прятаться за стол. Хорошо еще, что в комнате царит полумрак, со стороны не заметно, как он возбужден. Но от партнерши-то этого не скроешь.

– Так ты громкую любишь музыку – или тихую? – допытывалась Карина, продолжая свои коварные телодвижения. – Признавайся по-хорошему. А то ведь я плохая девочка, смотри, если начну по-своему, тебе это понравится.

– Когда я за рулем, громкую, а когда отдыхаю, предпочитаю тихую, – поспешно ответил Олег, чтобы уйти от скользкой темы. Он слегка наклонился вперед и выпятил грудь, чтобы хоть частично отдалиться от настойчивой партнерши.

Но не тут-то было. С вызовом глядя ему в глаза, раздвинув губы в улыбке, Карина, изогнувшись дугой, снова прижалась к нему всем телом.

– А когда ты в постели? – хрипло спросила она. Приоткрытые губы влажно блестели. – Там ты какую музыку любишь? Наверное, громкую, чтобы стоны не были слышны?

Олег чувствовал, что у него больше нет сил сдерживаться. Еще мгновение, и он поднимет соблазнительницу на руки и понесет ее в ванную. Но, на его счастье, низкий сильный голос певицы взял последнюю ноту и умолк. Необходимость отвечать и продолжать мучительно-сладостный танец отпала. Сделав вид, будто провожает Карину к столу, он рухнул на свободный стул, чтобы никто не заметил его непристойно возбужденного состояния, и демонстративно налег на угощение, мол, ему не до танцев, дайте поесть.

В другое время он был бы не прочь трахнуть эту Карину – сама просится, да и фигурка просто блеск, – но сейчас, когда рядом была та, о которой он думал весь день и мечтал увидеть, о Карине не хотелось и думать. Он так хотел потанцевать с Илсой, но не может же он ее пригласить в таком состоянии. Вот стерва, завела его, сиди теперь, мучайся!

На его счастье, Илсу, как только кончился первый танец, перехватил Толик, так что не пришлось искать повода, чтобы уклониться от танца с ней. Оставалась еще опасность в лице Карины, но ей, слава богу, не удалось добраться до намеченной жертвы – по дороге на ней повис виновник торжества и теперь что-то возбужденно ей говорил. Олег с благодарностью подумал, что это Вера послала Тараса на выручку другу.

* * *

Оставшиеся не у дел Лена и Неля сели рядышком и принялись что-то весело обсуждать. Они поглядывали в сторону танцующих и то и дело прыскали со смеху. Что было тому причиной, Олега не особо интересовало, главное, что его никто не трогает.

Но мелодия была не бесконечной, а Олег все никак не мог прийти в более или менее приличное состояние. Он в панике посмотрел на часы. Нет, уходить рановато. Но и оставаться в комнате нельзя, не сейчас, так через минуту кто-то все равно выдернет его танцевать. Пока не кончилась эта композиция, нужно бежать из комнаты. Еще один такой танец с Кариной – все, контролировать себя он не сможет. Пока опасная девица занята, нужно менять обстановку.

Олег решительно встал и, обходя танцующих, пробрался на кухню. Он думал выпить кофе, тем более что, часто бывая у Тарасовых, хорошо знал, где что лежит. Но самообслуживанием заниматься не пришлось, Вера стояла под открытой форточкой и молча смотрела в окно.

– А-а, Олежка! – Жена именинника быстро смахнула слезинку и улыбнулась. – Почему не танцуешь? Ты у нас сегодня нарасхват.

– Не любитель, ты же знаешь. – Олег хотел было развести руками, но, вовремя вспомнив о причине своего появления на кухне, сдержался. – Слуха нет.

– Ну, тогда посиди со мной, – предложила Вера. – Хочешь кофе?

– С удовольствием! – Олег, пользуясь тем, что хозяйка отвернулась, быстро втиснулся в угол и сел на табуретку. – Только покрепче, пожалуйста.

– Конечно, я же помню, как ты любишь. – Вера решительно тряхнула головой и подошла к плите.

– Вот вы где! – Алексей, веселый и покрасневшийся, влетел на кухню и рухнул на табурет рядом с Олегом. – Олег, ты же знаешь, как я тебя люблю? Скажи, знаешь?

– А кто сомневается? – отозвался Олег. – Я – нет.

– Тогда и не косись на меня! Подумаешь, выпил! – Тарас пьяно покачнулся. – Вот ты у нас... не пьешь! Ты больше по бабам! Что, зацепила тебя Карина? То-то же, у нее не вырвешься. Тигрица! Если уж положила глаз на кого, то трахнет, можешь не сомневаться.

– Леша! – не выдержала Вера. – Перестать!

– Верусик, а ты заметила, как Карина похорошела? – вдруг спросил именинник. – Похудела, построинела, даже можно сказать, помолодела. Пластику сделала, что ли?

– А ты уже и заметил. – Вера усмехнулась и пристально посмотрела в глаза Алексею. – А что, может быть, и сделала, – медленно, с нажимом, произнесла она. – Только не ту, что ты подумал. Не забыл, она же «Авиценной» пользовалась.

Тарас вздрогнул, бросил быстрый взгляд на Олега и тут же отвел глаза в сторону.

– Ну ни хрена себе! – Алексей хлопнул себя ладонью по лбу. И восклицание, и жест показались Олегу наигранными. С чего бы это? Тарас между тем развел руками и закивал головой. – Вот черт, совсем забыл! Ну тогда другое дело.

– А что такое «Авиценна»? – спросил Олег. – И что в ней такого, что сразу все вам объясняет?

– Средство для омоложения, – сообщила Вера. – Но только богом тебя прошу, не пользуйся им сам и не давай тем, кто тебе дорог!

Олег посмотрел с удивлением на Тараса, потом на его жену.

– Если судить по тому, как это лекарство, как вы говорите, подействовало на Карину, оно очень даже эффективное, – заметил он. – Что же в нем такого нехорошего?

– Последствия, – скривился Алексей. – Видишь, какая Карина стала? Как «виагры» обожралась.

– Ну, положим, она и раньше не комплексовала, – усмехнулась Вера. – А от Олежки она вообще с ума сошла. Так что «Авиценна» здесь ни при чем.

– Ну, ни при чем, так ни при чем, – согласился Тарас. А что касается «виагры», так сегодня, скорее всего, она понадобится ему! – Палец Алексея описал дугу и уткнулся в грудь Олега. – Ему из-под Каринки сегодня не выбраться!

– Это мы еще посмотрим, – возразила Вера. – Олег парень с головой, он сам знает, что ему нужно. Илса ему намного больше подходит.

– Ну-ну! – Алексей ухмыльнулся. – Сговорились! Ты, Верка, за свою Илсу готова в драку полезть! Я не спорю, она хорошая девка, но слишком холодная, рассудительная. Ты вот на Карину посмотри, от нее же сексом так и пышет! Она не нимфоманка, случайно?

– Леша! – Рассердилась Вера. – Ты вообще воображаешь, что говоришь?

– Все-все, умолкаю! – Тарас, видя, что Вера увлечена посудой, подмигнул Чернову. – Мне-то что, это твои подруги, я вот больше за Олега беспокоюсь, впереди у него трудный выбор. Но я ставлю на Карину.

* * *

«Язык бы Лехе отрезать! – подумал Олег, вспомнив слова Тарасова. – Это ж надо, какая ловкая попалась девица». Он повернул голову и посмотрел на лежащую рядом Карину. Тушь на правой щеке немного размазалась, но это не портило хищную красоту девушки. Да и фигурка ладненькая, приятная на ощупь. Вот только грудь великовата, но это даже хорошо. Тонкая талия, крутые бедра, плоский живот с затейливо выстриженной звездой на лобке. Да нет, бабец очень даже ничего. Темперамент – огонь! Абсолютно никакого ханжества, вообще не стесняется своей жажды наслаждений. Какая есть, так и держится – преданно и беззаветно любит трах и честно в этом признается. И не только признается, но и отдается. Вон какие бисеринки пота по всему телу. Да и Олег тоже взмок, словно кросс бежал! Нет, что ни говори, девчонка в сексе знает толк. Уж насколько Олег был уверен, что ничем его не удивить, пришлось признаться, что переоценивал себя.

И как же хитро она все устроила! Не успел Олег обрадоваться, что вечеринка подошла к концу, как вдруг оказалось, что Карина будет ночевать у бабушки, которая, как и Неля, живет совсем рядом с Игорем Смоленским. Вместе с Мариной на Олегову машину набралось как раз четверо пассажиров. А Илсе, как назло, было удобнее ехать с Толиком и Леной. Делать было нечего, тем более, что и сама Ила однозначно дала знать – спать она будет у себя дома и одна. Раз так, то и спорить незачем, это ее выбор, не Олега.

Еще раз напомнив Илсе об утреннем визите, Чернов забрал своих пассажиров и поехал. Ближе всех жили Игорь с Мариной. Игорь сидел рядом с ним, впереди, и, усмехаясь себе под нос, посматривал на Олега. Ситуация его явно забавляла, чувствовалось, что Смола так и подмывает спросить у друга, как тот собирается выпутываться из создавшейся ситуации. А Олег и не собирался. Зачем? Тело, чего скрывать, все сильнее просило разрядки, виновница этого состояния рядом, да еще и сама напрашивается в гости. К чему тогда сомнения? Карина ведь

не колеблется ни секунды, что ж ему-то дергаться? Что же касается Илсы, то они все взрослые люди, она обладала правом первого выбора, девушка его сделала, обсуждать уже нечего. Впрочем, Илсе тоже не все следует знать. ни он, ни Карина о сегодняшней ночи никому говорить не обязаны. Может они кофе пили, да мазню его смотрели?

Кстати просьба показать рисунки, от Карины прозвучала в ту же минуту, едва только захлопнулась дверца за Нелей. Высказана она была таким тоном, что секс едва не начался прямо в машине. Он бы и начался, если бы Карина смогла перебраться на переднее кресло, но она забыла это сделать у Нелиного дома, а после этого Олег неся не останавливаясь. Его подстегивало отсутствие комплексов у пассажирки.

Поднимаясь на лифте, они уже всюду целовались, так что времени для картин не осталось. А затем инициативу взяла в свои руки Карина. И Олег был ей благодарен за это. Когда такая яркая и красивая женщина столь явно выражает свое желание, любой мужчина будет польщен, Чернов не исключение.

Олег еще раз посмотрел на умиротворенное лицо Карины. Выгнутые брови, хорошей формы и толщины, видно, что девушка уделяет им достаточное внимание, маленький, правильной формы носик. Алые губки немножко полноваты, но в сочетании с безупречной, с легким оливковым оттенком кожей и блестящими черными волосами смотрятся неплохо.

«Да она просто красавица, – подумалось Олегу. – Как же я раньше этого не заметил?»

Словно бы заново открывая для себя достоинства своей добычи, он перевел внимательный взгляд на крупную грудь, украшенную расслабленной изюминкой соска. Черт возьми, как такая красотка могла оказаться без постоянного партнера? А в том, что его не было, Олег не сомневался, уж больно сексуально голодна была Карина. Что оказалось для Олега весьма кстати – ему последнее время не везло на достойных партнерш.

– Тебе понравилось? – чуть-чуть хриплый голос удовлетворенной женщины прозвучал неожиданно.

Олег вздрогнул. Вот это номер, а он думал, что она спит. Наивный!

Он поднял голову и наткнулся на ее лукавый взгляд. Так-так, судя по тому, как блестят эти карие глаза, гостя еще не выдохлась, отнюдь.

– Какие у тебя мышцы! – Карина провела тонким ухоженным пальцем по его бицепсу Чернова.

Фиолетовый, с белыми и золотистыми крапинками замысловатого иероглифа ноготь, прочертив на коже реставратора тонкую красную полоску, переместился на грудь, прошелся по соску и двинулся ниже. Олегу стало щекотно, и он, поймав ее руку с длинными пальцами, прижал молодую женщину к себе. Мгновение, и тело Карины, растекаясь приятной тяжестью, мягко накрыло его торс.

– Вот ты и попался, хитрец! – низким голосом проворковала Карина. Олегу казалось, что на нем лежит и мурлычет большая теплая кошка. – Заманил невинную девушку к себе, пообещал показать картины, а сам... А и вправду, где обещанное? Ну-ка показывай, что ты там прячешь?

Не сходя с дивана, Карина вскочила на ноги и, нисколько не стесняясь своей наготы, посмотрела вокруг. Стены были увешаны старинным оружием. Сабли, мечи и несколько топов всевозможных форм и размеров, заполняли все пространство за изголовьем широкой низкой кровати.

– Собираешь? Неужели все настоящее? – удивилась она. – А если милиция?

– Это муляжи, – пояснил Олег. – Подделки.

– Покупаешь? – продолжала допрос гостя. – Где? В магазине на Варварке?

– Нет, я их сам делаю, – неохотно ответил Олег. – Для собственного удовольствия. А что, похоже получилось?

– Я бы ни за что не отличила. – Карина поежилась. – Все равно страшные. Так, ты меня не отвлекай, признавайся, где обещанные картины?

Не рассчитывая на ответ, девушка передвинулась поближе к шкафу.

– Здесь! Я угадала? – С улыбкой коварной соблазнительницы, подняла свою соблазнительную ножку и коснулась большим пальцем ноги Олега. Ее полная грудь тяжело колыхнулась, отчего в Чернове вновь стал разгораться внутренний жар.

– Да на кой они тебе? – Хрипло проговорил Олег. – Иди ком мне!

– Я думаю, все в шкафу. – словно не расслышав, проговорила Карина, проводя кончиком пальца ноги по телу Чернова. – Я права? Говори, чем скорее скажешь, тем быстрее мы продолжим! Ну? Не тяни! Здесь, в шкафу?

– Открой и посмотри, – наконец сдался Олег. – Там, на второй полке...

Повторять не пришлось. По-кошачьи легко соскочив на пол, Карина распахнула дверцу и, вытащив скоросшиватель с рисунками, открыла. Ее глаза округлились.

– Это же как у Валеджо! – воскликнула она. – Он тоже чудовищ рисует.

– Нет, Борис Валеджо рисует драконов, а тут, как видишь, совсем другое. – Олег, обернув простыню вокруг бедер, подошел к столу. – Это одна из первых моих работ. Видишь, здесь еще не так рельефно проработаны мышцы. Лучше там дальше посмотри, на других рисунках.

Карина перевернула страницу и вздрогнула. На нее смотрели человечески глаза, но принадлежали они буйволиной голове. Гордо запрокинутая, она была увенчана загнутыми рогами, но при всем этом казалась маленькой по сравнению с мощным торсом. Его неправдоподобно-шарообразное от гипертрофированно раздутых мышц тело, ниже пояса было покрыто густой шерстью, что придавало существу вид ужасающего разрушителя. Ощущение подчеркивалось окровавленным диковинным дискообразным топором, что сжимали его сильные пальцы с грозными когтями. Довершали картину огромные копыта нижних конечностей и сильный хвост, хлещущий по раздутым икрам мощных ног с такой скоростью, что с кисточки на его конце слетело облачко пыли. Казалось, еще мгновение – и чудовище оживет.

Карина почувствовала, как по телу пробежал озноб. Картина была настолько реалистично прописана, настолько выверена была каждая черточка изображения, что ей на миг показалось, что это фотография, а не рисунок. Значит, ребята не врал, когда рассказывали об этом.

– Как же ты смог придумать такого... такое чудовище? – Девушка запнулась, не зная, как назвать монстра. – Олег, я не понимаю. Чтобы так нарисовать, нужно же видеть его!

– А я видел, – с улыбкой ответил Чернов, и было непонятно, шутит он или говорит серьезно.

Карина, ожидая продолжения, посмотрела на рисунок, но Олег молчал. Нет, от него просто так ничего не добьешься. Тогда попробуем по-другому. Карина непринужденным движением бросила листки на стол и потянулась, заложив руки за голову. Немного постояла так пусть неблагодарный полюбуется ее фигурой, потом, слегка покачивая бедрами, подошла к постели и, наклонившись над Олегом, зазывно посмотрела ему в глаза и многозначительно улыбнулась.

Глава 4

Проснувшись, Олег первым делом посмотрел на часы. Без четверти час! Он же должен был в десять быть у Илсы! Тут он вспомнил о Карине. Господи, только этого не хватало – Объяснять лежащей рядом девушке, что ты спешишь к другой!

Не поворачиваясь, Олег потянулся рукой к мягкому телу, оказавшейся такой горячей подруги. Рука тронула холодную простыню – постель оказалась пуста!

Олег резко повернулся. На месте, где спала Карина осталась только вмятина, все еще хранившая формы роскошного тела.

Чернов прислушался, может, она в ванной? Нет, стояла такая тишина, что сомнений не оставалось, в квартире он один.

Все еще не соглашаясь с очевидным, Олег вскочил с постели и, не одеваясь, выбежал в коридор. Ни обуви, ни одежды ночной гостьи не было.

Все же Карина ушла, а он проспал все на свете!

Хоть бы его перед уходом разбудила. Хотя нет, это как раз хорошо. Как говорится, самое красивое у женщины – это спина, когда она утром уходит. Молодец, Каринка и тут оказалась на высоте! Может, все же зря он ее недооценивает?

Ладно, все это хорошо, но как же быть с обещанием, которое он дал Илсе? Она надеялась, наверняка ждала, а он все проспал! Нужно хотя бы позвонить, извиниться, попробовать договориться отремонтировать часы в другое время.

Олег искал в джинсах бумажку с номером телефона. Так, вот она! Набрал семь заветных цифр и замер. Один гудок, второй, третий... После восьмого стало ясно, что трубку на том конце не поднимут. Илса или ушла, или обиделась и не подходит к телефону. Скорее, второе. А может, самому поехать к ней? По крайней мере, это будет порядочнее, чем сидеть и ждать, пока она поднимет трубку.

Олег быстро собрался, благо с тех пор, как отпустил бородку, бритье перестало отнимать время по утрам. Хотя какое сейчас утро? Машина стояла там же, где он ее оставил ночью, – прямо у подъезда. Угонщиков он не боялся. Стихийные здесь не появляются, а среди местных воров желающих связываться с Черновым не было.

Быстро доехать не удалось. В это время дня улицы Москвы забиты машинами, повсюду пробки. Пришлось прибегнуть к старому способу и пробираться переулками и дворами. Но на пересечении с Садовым кольцом все равно застрял, и надолго. В Москве, если уж попадешь в пробку, вылезешь нескоро.

К дому Илсы Олег подъехал лишь в половине третьего. Он долго жал кнопку звонка, надеясь, что девушка если уходила куда-то, то уже успела вернуться. Но все было тщетно. Как же можно было так лопухнуться? Хоть бы будильник поставил. Олег вспомнил, как они с Кариной ввалились в его квартиру. Какой там будильник! Разве ему до этого было? Эта чертовка рассчитала все точно, вымотала его так, что он все на свете позабыл! Вот и думай теперь, как оправдаться.

Олег почесал затылок. А что, если Вере позвонить? Илса ее подруга, может, она что знает? Да, пожалуй, это мысль.

Таксофон удалось найти только через три квартала.

Олег набрал по памяти семь цифр. Но и на этот раз, кроме длинных гудков, ничего не услышал. Судя по всему, никого нет дома. Да и в самом деле, кто в такое время дома сидит? А рабочего телефона Веры он не знает. Может, позвонить Тарасу? Да, а что он ему скажет? Мол, дай служебный телефон Илсы? Черт, забыл совсем – сегодня же Илса в отгуле! Она же вчера сама говорила об этом! Вот же вылетело из памяти! И что теперь, где ее искать? Может, все же позвонить Вере? Неудобно, Каринка наверняка той уже похвасталась. А если еще не позвонила,

то обязательно позвонит, подруги же. Нет, наверное, лучше всего будет подождать Илсу у ее подъезда. Рано или поздно она появится. А что ждать придется, так кто в этом виноват? Илса тоже, наверное, ждала и нервничала, теперь его очередь.

Олег вернулся к подъезду Илсы. Чтобы не бросаться в глаза, свою «восьмерку» он поставил немного в сторонке. Настроившись на длительное ожидание, слегка опустил спинку кресла. Ладно, подождет, спешить все равно некуда. Солнце светит, воробьи чирикают, очень даже неплохо. Жаль только, не купил чего-нибудь попить, а если бы додумался еще бутербродов набрать, совсем хорошо было бы!

* * *

Когда Олег проснулся в третий раз за этот день, дело шло к вечеру. Народ валом валил от станции метро и от автобусных остановок. Кто к кастрюлям, кто к телевизору, а кто к припаркованной загодя бутылочке пива! Ах, хорошо бы сейчас банку колы, да из холодильника. А еще лучше минеральной воды. В пересохшем рту стоял неприятный привкус. Да, надо обязательно попить и пожевать жвачки. А то нехорошо с людьми говорить, когда изо рта такой выхлоп.

Припарковал машину у ближайшего киоска, Олег выпил залпом банку колы. Стало легче. Бросив в рот подушечку «Дирола», рассеянно глядя по сторонам, прошелся вдоль ларьков. И вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он резко обернулся. На противоположной стороне улицы стояла Илса и смотрела на него.

Олега как будто кольнуло в сердце. Как он мог променять эту леди, нет, королеву, на какую-то Карину? Надо же быть таким ослом! Вот же дурак! Ну дурак, он и есть дурак, взял сам все себе и испортил! Или еще не испортил? И почему испортил? Испортить можно то, что есть, а чего еще не было, как можно испортить? Не-не-не никаких пораженческих настроений, у них с Илсой еще ничего не было значит, и измены никакой нет!

И все же, Господи, сделай так, чтобы она его простила.

Олег бросился вперед, лавируя между застрявшими в пробке машинами, и через считанные мгновения стоял уже рядом с Илсой.

– Илса, извини, пожалуйста, я проспал! – брякнул он с ходу. Нет чтобы сказать, мол, перепутал адрес, забыл номер телефона. – А потом звонил, приезжал, а тебя нет!

– Мама, знакомься, это Олег. – Девушка повернулась к стоявшей рядом хорошо одетой пожилой женщине, которую Олег поначалу не заметил. То, что дочка пошла в маму, было ясно как день – одно лицо, одинаковый рост, только у матери сеть морщинок в уголках губ и у глаз. Хотя нет, еще глаза различаются. Как будто одинаковые, золотисто-карие, но приглядишься и убеждаешься, нет, разные. У Илсы они теплые, кроткие, мягкие, а у матери более желтоватые, чем зеленые. И сам взгляд жесткий колючий, немигающий. Совсем как у тигрицы, такой же пронзительный, словно она тебя насквозь буравит.

– Олег, это моя мама. Ее зовут Алла Рихардовна, – продолжила знакомить Илса. – Я ее только что встретила, и... вот приехали домой.

– Вы меня извините, я действительно виноват!! Но я сейчас все быстро сделаю! – торопливо продолжал говорить Олег, почти не слыша Илсу. – Я прошу вас, пойдёмте посмотрим, что у вас сломалось.

– Мама, может, действительно пойдём? – поддержала его Илса. – Олега все хвалят, говорят, отличный мастер.

– Вы нас извините, Олег, – вежливо, но твердо произнесла Алла Рихардовна. – Давайте лучше как-нибудь в другой раз. Дело в том, что я сегодня жду гостей. – Она повернулась к дочери: – Я совсем забыла тебе сказать, через полчаса к нам приедут пациенты. Так что сама понимаешь, не сегодня. Простись со своим знакомым и быстро домой. Я тебя жду. До свидания, Олег.

Алла Рихардовна, даже не взглянув в сторону Чернова, направилась к переходу.

Олег оторопело застыл. Странная какая-то. Может, она думает, ему деньги нужны?

– Вы не думайте, я не из-за денег, я бесплатно все сделаю! И быстро! – торопливо проговорил он ей в спину. Алла Рихардовна остановилась и повернулась к нему.

– Нет, Олег. – Женщина покачала головой. – Я ничего не имею против тебя, возможно ты хороший парень, но за тобой... Нет, не надо, просто не нужно, и все. Может, потом, не сейчас... Впрочем, нет, не знаю, не знаю, давайте перенесем этот разговор на более подходящее время.

– Мама, что с тобой? – растерянно воскликнула Илса. Олег обиженно нахмурился. – Мама, Олег порядочный человек, и то, что он проспал...

– Он не просто проспал, он был с женщиной! – отрезала мать, повернулась и пошла дальше. Было слышно, как она бормочет: – Но я ее почему-то не вижу. Если хочешь... но ее... ее нет, я ее не вижу!

Илса устремила непонимающий взгляд на Олега. Чувствуя себя так, словно его уличили во лжи, что, кстати, наполовину так и было, он с разобитым видом махнул рукой и со словами: «Я просто хотел помочь и все. Мне ничего от вас не нужно» – пошел к «восьмерке». На полпути он остановился, решив, что называется, оставить дверь открытой:

– Не понимаю в чем проблема, но если понадобится, найдешь меня через Веру.

* * *

Эмма Фадеевна Акопян, пожилая медсестра, сдав смену в роддоме, где она работала, по заведенному обычаю посидела часок с подругами за чашкой чая и лишь после этого отправилась домой. По дороге Эмма Фадеевна зашла на рынок – она не признавала продуктов из магазина. Нагруженная сумками, она направилась к старой панельной пятиэтажке, где жила вместе с внучкой в маленькой квартирке на четвертом этаже. Должно быть, внучка дома. Это из-за нее Эмма Фадеевна не спешила домой – не хотелось начинать неприятный разговор. Но как ни оттягивай, а серьезно поговорить с ней все равно придется. Внучка совсем совесть потеряла, опять не ночевала дома! Думает, если мама с папой в Ереване, то можно делать что хочешь? Или она думает, бабушка у нее – выжившая из ума дура и не догадается во время дежурства проверить, дома внучка спит или нет? Как бы не так!

Эмма Фадеевна глубоко сожалела о том, что поддалась на уговоры Карины и не сообщила обо всем дочке и зятю с самого начала. Надо было сказать хотя бы дочке. Но что теперь поделаешь, хотела как лучше. А надо было звонить сразу, как только внучка впервые провела ночь неизвестно где и пришла домой только утром. Якобы у подруги засиделась, а потом метро не работало. Как будто телефона у нее не было. Спиртным разило, ну не то чтобы разило, но попахивало.

Эмма Фадеевна тяжело вздохнула. И в кого она такая уродилась? Дочь ведь совсем другая была, тихая, скромная. Да и Карина раньше не заставляла за себя краснеть, а год назад словно с цепи сорвалась. Какими глазами она теперь посмотрит на ее родителей?

Эмма Фадеевна, женщина грузная и неповоротливая, добралась наконец до четвертого этажа, подошла, пыхтя и отдуваясь, к своей двери и нажала на кнопку звонка, со злорадством предвкушая, как разозлится ее беспутная внучка. После бурной ночи всегда хочется сладко поспать. Нет, моя красавица, вставай и принимайся за дело. Самое время стирку устроить, прибраться. Замуж выйдешь, придется работать не покладая рук...

Странно, звонок, что ли, не работает? Да нет, слышно ведь, как он звонит. Нет, моя драгоценная, хотя у бабушки ключ имеется, но все равно тебе придется встать и открыть. Эмма Фадеевна еще раз нажала на кнопку и подержала палец подольше. Просыпайся, моя милая, просыпайся!

Медсестра прислушалась. Обычно после долгого звонка за дверь раздавались шлепки босых ног, но на этот раз время шло, а ничего не происходило. Господи, неужто так обнаглела, что до сих пор не вернулась? А может, она в ванной? Эмма Фадеевну прижалась ухом к двери и, покачнувшись, навалилась на нее всем телом. Дверь беззвучно открылась.

То, что увидела бедная Эмма Фадеевна, повергло ее в ужас. На полу, в огромной луже уже засыхающей крови плавала... женская рука! Отсеченная от тела кисть лежала тыльной стороной вверх и несчастная медсестра сразу узнала эти фиолетовые ногти с золотистой вязью. Такой маникюр делала Карина, ее любимая внучка!

Несчастливая женщина потеряла сознание.

Глава 5

Старший следователь районного УВД Виктор Емельянович Порывайко, несмотря на свой относительно молодой возраст, был достаточно опытным специалистом. Ему не понадобилось долго разглядывать, что творится в квартире Акопян, чтобы понять всю серьезность нового дела. Быстро распределив обязанности, он и остальные сотрудники, прибывшие к месту происшествия в составе дежурной группы, приступили к осмотру места происшествия. Эксперт то и дело щелкал камерой, отчего Виктор машинально щурился, пряча глаза от ослепительной вспышки, участковый с оперативником опрашивали соседей, второй оперативник побежал за понятыми. Привычная работа.

Порывайко прошелся глазами по луже крови. Да, дело серьезное, на самоубийство или несчастный случай не спишешь, здесь чистый криминал. Интересно, настоящий маньяк поработал или убийца просто пытается косить под больного? Судя по тому, в какое время произошло убийство – около двенадцати часов дня, – нужно быть по-настоящему психом, чтобы решиться на такое. Да и характер нанесенных ударов, таков, что любителю не нанести. Нет, похоже, это не имитация. Такое впечатление, что убийца насмотрелся дешевых американских боевиков, после чего решил и здесь такую же бойню устроить. Фредди Крюгер, мать его!

Порывайко вспомнилось утреннюю сводку о происшествиях в Москве, там сообщалось о террористических актах, происшедших минувшей ночью. Какие-то уроды взорвали две многоэтажки – одну на севере города, другую в самом центре. Вот гады, совсем распоясались. Ну как тут не поверить в теорию серийности невероятных совпадений, о которой только вчера говорили по телевизору? Там один ученый, – настоящий или нет, непонятно, Виктор особо не присматривался, смотрел так, в полглаза, – доказывал, что в мире все взаимосвязано. И что одиночных, спонтанных событий не бывает, обычно они идут сериями, просто люди этого не замечают. Если и обращают внимание, то только на одно-два, дальше уже анализ не идет, мозг отказывается верить в фатум, в неизбежность катастроф и рассматривает их в отрыве друг от друга. Людям легче посчитать, что несчастья случайно совпали во времени, чем поверить в то, что все на Земле взаимосвязано, что все давно запрограммировано и все это можно просчитать. И есть те, кто умеют считать события, прогнозировать их. Нострадамусы всякие, Ванги и прочие их последователи. Но признаться в том, что кто-то одарен знаниями, талантом, гением, а ты нет, ох как сложно. Чем трудится и получать крупницы новых знаний, лучше отмести эту науку, признать ее шарлатанством и продолжить молиться госпоже Случайность.

А на самом деле, ничего спонтанно не происходит, все имеет свое начало, зарождение, развитие и финал, который в свою очередь, является толчком, порождающим следующее событие. Просто век и ум человеческий настолько коротки, что мы не успеваем отследить эти связи, а на самом деле, все не так, и скорее одиночные события это и есть крайне редкое явление. Серии случаются значительно чаще. Стоит только где-то произойти событию, вероятность которого хоть и существует, но бесконечно мала, как тут же случаются такие же, только в других областях. Если начнут падать самолеты, так уж за один месяц выполняют годовую норму. Если утонул корабль, то жди сообщения о второй трагедии на воде!

Виктор Емельянович относился к тем, кто верил в стечение обстоятельств и связи в групповых инцидентах признавал с большой неохотой. Конечно, появление маньяка повышало статус дела и за его раскрытие можно было надеяться на повышенное вознаграждение, но вот признавать одиночное, пусть и кровавое убийство за дело рук больного человека не хотелось. По его опыту, убийца Акопян скорее всего съехавший с катушек наркоман, чем маньяк, но в народ уже пошла иная версия. Впрочем, следователя беспокоило не столько кто нашинковал свою девицу, чем почему это произошло именно в том районе, где работает Виктор, и почему именно в его смену? Порывайко сокрушенно покачал головой: вот не везет, так не везет. После

этих взрывов любое серьезное преступление будет на таком контроле, что запросто можно без работы остаться. Это как минимум.

Хотя, с другой стороны, если взяться за дело умно, то можно сделать хорошую карьеру. Быстро, по горячим следам раскрутить преступление – вот и шанс отличиться по-крупному. А что, почему бы и нет? Главное – найти зацепку, указание на возможного преступника. И потом крутить его, мять и давить до тех пор, пока или сам не расколется, или не укажет дорожку к настоящему маньяку. Но для этого очень важен темп, малейшая задержка – и дело заберут, а тебя запишут в неперспективные.

Порывайко еще раз посмотрел на останки. Да уж, расчлененка не такое и редкое явление, как кажется, но чтобы вот так, таким странным такое редко увидишь – тело расчленили на три, нет, если учесть руку, то на четыре части! Убийцы, пусть и маньяки, существа ленивые, они рубить кости не станут, они разделят тело по естественным местам – суставам. А здесь рубили по кости, так только в старину на поле боя, но там тоже одного удара хватало. Да, были в истории упоминания о лихих рубаках разваливающих шашкой от плеча и наискось до пояса, но и все, зачем же в этом случае еще и повторно рубить?

Интересно, каким оружием можно было так рубить? Топор? Да нет, у топора лезвие не такой ширины, так не рассечет. Сабля? Чуть собачья! Это только в книжках былинные герои одним ударом рубили и седока и лошадь. Да и кто будет посреди бела дня бегать по Москве с саблей в руках?

Следователь поежился. Вот подвалило счастье! Попробуй разгадай, что было на уме у психа, который это сделал. Ни логики, ни смысла, только сумеречная зона сознания. Порывайко не любил такие дела. Да и кто их любит? Если таковые и есть, ему они неизвестны.

– Зинчук! – позвал он опера, на свою беду попавшегося на глаза следователя. – Коля, ты чего стоишь? Давай пройдишь по соседям. Не может такого быть, чтобы никто ничего не видел.

Зинчук, самый молодой, но весьма амбициозный инспектор местного уголовного розыска, молча кивнул. Его бледность и молчаливость говорили яснее всяких слов. Было видно, что он борется с подступившей к горлу тошнотой. Салага. Нервы шалют, что поделаешь. Он-то сам всякого повидал, но такого пока не приходилось.

Порывайко остановил взгляд на откатившейся части туловища. Удар был нанесен по косо́й. Он начинался от правой грудины и, перерубив позвоночник, прошел над левой частью тазовой кости. Обычно бьют сверху, а тут сбоку... Но и этого зверю показалось мало. Второй удар пришелся по тазу, и теперь ноги жертвы лежали в разных частях комнаты. Красно-буро-белая масса, казалось, была разбросана по всей комнате. Но мерзавец и этим не удовольствовался. Он словно задался целью выпустить всю кровь из тела несчастной жертвы. Она покрывала пол: только-только начавшая сворачиваться, казалось, все еще дымящаяся.

Ну и досталось бедолаге. Кто бы это ни сделал, необходимо его найти и закрыть на максимальный срок, на пожизненное! Или, еще лучше, посадить к уголовникам и сообщить им, за что он попал в камеру! Жестоко, не по закону, но мерзавцы, что такое вытворяют, жить не должны! Пусть ты больной, но убиваешь-то здоровых!

Преисполненный решимости во что бы то ни стало найти маньяка, следователь обогнул кровавую лужу и пошел по коридору к кухне. Там сейчас работал Сашка Смирнов. Старший инспектор часто попадал в группу Виктора, они сработались и понимали друг друга с полуслова.

– Нарыл что-нибудь? – спросил Порывайко, подойдя к двери.

– Кое-что есть. Показал бы раньше, да ждал, пока ты общую картину ухватишь, – похвастался Смирнов. – Идем покажу. Думаю, тебе это будет интересно.

Они вернулись в комнату. Смирнов присел и приподнял верхнюю часть тела жертвы. Стало видно, что в руке что-то зажато.

– Эксперт отснял?

– Нет еще. – Смирнов усмехнулся. – А то бы я утерпел и до тебя не посмотрел, что там!
– Гавриков! – позвал Порывайко. – Давай поколдуй здесь! Есть кое-что интересное.

Не торопясь подошел Василий Гавриков, высокий полный мужчина, сокрушенно покачал головой – кто ж такую мерзость совершил? – и приступил к работе.

– Как ты думаешь, что там? – Следователь кивнул на кисть жертвы. – Пустышка или ключ?

– Судя по тому, что в последнее время везения не было, то и сейчас, думаю, легкой жизни ждать не приходится. Может, деньги, может, еще что, не знаю.

– А я уверен, что нам повезло и мы получим нечто очень интересное, – уверенным тоном сказал Порывайко. – Чутье мне подсказывает.

– Посмотрим. – Смирнов философски пожал плечами. – Вон Васятка уже, кажется, заканчивает. Так, колдун?

Гавриков молча кивнул и сделал жест рукой, мол, можете удовлетворить свое любопытство, чем Смирнов не преминул тут же воспользоваться. Он разжал пальцы девушки и извлек скомканный, испачканный клочок бумаги. Интуиция следователя не подвела.

– Гляди-ка, Витек, а ты, кажется, прав, – сказал Смирнов и присвистнул. – С тебя пиво.

При детальном рассмотрении оказалось, что это обрывок какого-то рисунка. Но самое важное было то, что на клочке виднелась подпись художника.

– Ну-ка дай посмотреть, – попросил Гавриков.

Смирнов молча подал клочок – в группе все знали, что Василий, как никто другой, способен прочесть самый неразборчивый почерк.

– Чернов, – прочитал вслух эксперт. – О. Чернов. Ребята, а это уже зацепка!

Смирнов и Порывайко обменялись взглядами. В глазах обоих загорелась надежда.

– Саша, давай быстро в управление. Отрабатывай всех Черновых. Всех знакомых Акопян с такой фамилией. Всех художников, всех самоучек, – приказал следователь. – Чтобы никого не пропустил!

– Вить, да ты что? В Москве столько Черновых, что нам и года не хватит! А если к тому же он вовсе и не москвич? – Смирнов знал, что, сколько бы он ни возмущался, проку все равно никакого не будет, но что он будет за опер, если не пожалуется на жизнь? – Да тут на год работы! Попробуй такую гору информации перелопатить!

– Зинчуку передай, чтобы он, после того как отработает с соседями, поговорил с матерью потерпевшей. – Порывайко, словно не слыша возмущенных выкриков, перечислил план действий. – Выясните у нее, может, она знает, кто такой О. Чернов.

– Наверное, его зовут Олег, – высказал предположение Смирнов. Как будто другие об этом не подумали.

– Давай, давай, не уваливай! – поторопил его следователь. – Не тяни время, сам знаешь, оно у нас самое Дорогое.

Виктор повернулся к эксперту:

– Семеныч, какие у тебя есть соображения? Чем, по-твоему, пользовался преступник?

– Пока не представляю! – признался Гавриков. – Судя по брызгам на стене, а также по вот той царапине, – Василий Семенович показал на глубокую свежую борозду, проходившую по окрашенной синей краской стене в полутора метрах от пола. Тоже забрызганная кровью, как, впрочем, и все здесь, она могла быть следом от удара орудием убийства. – удар был снизу, от левого бока и вверх. Но кто мог нанести удар такой чудовищной силы? Да еще с такой нетрадиционной постановкой удара? Видишь, лезвие в стене даже не остановилось. Прошло как сквозь масло.

Порывайко подошел к борозде и присмотрелся. Да, похоже, эксперт прав, в царапине нет характерного утолщения, которое бывает, когда сталь упирается в препятствие. Значит, лезвие прошло дальше. И удар, соответственно, шел не справа. Получается, преступник левша?

– А может, он при замахе задел стену? – на всякий случай спросил следователь.

– Нет, в борозде есть следы крови. – Гавриков отрицательно покачал головой. – Я уверен, анализ покажет, что там есть частички костной ткани...

Порывайко не сомневался в правоте Василия Семеновича, эксперт тот был отличный. Свои вопросы он задавал оттого, что, разговаривая с Гавриковым, пытался уловить нечто такое, что приблизит его к разгадке жестокого убийства.

– Виктор Емельянович! – Появившийся Зинчук старался не смотреть на пол. – Я опросил всех соседей, ну, тех, которые открыли. Все точно слепые. Никто ничего не видел и не слышал. Тут такое произошло, а они...

– Как мать потерпевшей? – перебил его Порывайко. – Врачи ее осмотрели?

– Бабушка, – подсказал Зинчук. – Мать потерпевшей... мать жертвы находится в Ереване.

– Хорошо, пусть будет бабушка, – отмахнулся следователь. – Как ее состояние? Говорить может?

– Не в курсе, – растерялся опер. – Сейчас посмотрю.

– Если говорить может, то спроси, знает ли она кого-нибудь по фамилии Чернов. А также узнай имена ее близких подруг, друзей знакомых. Может, жених у нее есть? Запиши все – телефоны, адреса... Да что, мне учить тебя? Не стой, действуй!

Порывайко вновь повернулся к эксперту.

– Семеныч, припомни, может, тебе встречалось такое на практике? Я имею в виду оружие. Я сомневаюсь, что такое можно сделать простой саблей.

– Даже представить не могу. Если бы у нас было орудие преступления, тут бы я тебе все точно выдал. А пока его нет, то только приблизительно. Я, конечно, постараюсь рассчитать массу и скорость, которую должно иметь лезвие, чтобы получилось вот такое, – Гавриков кивнул на борозду в стене. – Возможно, рассчитаю форму. Но примерно, точно тебе даже компьютер не выдаст. Вот тогда и будем строить предположения.

– Ловлю на слове, – усмехнулся Порывайко. Отбросив изжеванную спичку, он направился к двери комнаты, в которой жила жертва. Интересно, в момент гибели она выходила или входила в нее? Ответ на этот вопрос тоже мог дать зацепку. Нужно будет уточнить у хозяйки квартиры. – А пока я попробую помочь нашему Славику Зинчуку. Переговорю с гражданкой Акопян. Ох, чувствую, слез будет... Больше всего не люблю эту часть расследования. Но без нее не обойдешься. Как показывает практика, бабушки бывают очень глазастыми.

Возможно, это была не самая глупая мысль. Несмотря на тяжелое состояние, в котором находилась Эмма Фадеевна, она все же смогла сообщить довольно много интересного. Через час Порывайко уже знал, что вчера Карина была на дне рождения у коллеги по работе и дома не ночевала. Выяснить, где работала покойная, не составило труда. Как и то, что день рождения отмечал Алексей Тарасов. Позвонив Тарасову, Виктор представился и стал выяснять состав приглашенных. Вчерашний именинник, поворчав для приличия, перечислил гостей.

Порывайко даже подскочил, услышав фамилию «Чернов».

– Чернов? – невольно вырвалось у него. – Это не тот ли Чернов, который художник?

– Олег? – Тарасов насторожился. – Да, он рисует, но больше известен как реставратор. А в чем, собственно, дело?

– Я хотел бы проконсультироваться у него, – сымпровизировал Порывайко. – Вы не дадите мне его телефон?

– Я бы с удовольствием, – начал Тарас, пытаясь быстро придумать повод, чтобы как-нибудь отказать следователю в его просьбе. Ничего не придумав, ляпнул:

– Но он не любит, когда я без разрешения даю его номер. Я должен это согласовать с Олегом.

– Вы, наверное, забыли, с кем разговариваете! – разозлился Порывайко. – Я могу...

В трубке что-то зашуршало, заскрипело, пошли непонятные щелчки.

– Алло! Алло! – закричал, перекрывая треск, Тарасов. – Алло! Вас плохо слышно! Алло! Ал...

Связь оборвалась. Порывайко набрал еще раз, оказалось, занято. Он набирал снова и снова с тем же результатом.

Следователь зло усмехнулся. Ах ты проныра, хитрить вздумал. Хочешь предупредить своего дружка? Виктор быстро набрал номер отделения.

– Миша, быстро пробей Чернова Олега! – закричал он дежурному. – Только очень быстро! Возраст от двадцати трех до двадцати семи. Работал реставратором. Художник. Подключи всех, необходимо срочно найти.

* * *

Олег вернулся домой в дурном расположении духа. Его обурежала вполне заслуженная, но оттого еще более горькая обида плюс злость на самого себя и на эти дурацкие пробки. А еще вновь проснулся голод. Вчера он правда поел у Тараса с Верой, но зато так и не купил ничего съестного домой. Сегодня, тоже не до покупок было, проснувшись, сразу понесся к Илсе, с ее странной мамашей! Тоже еще тот ортодокс, эта мама Илсы! Теперь становится понятным, отчего Илса кажется немного странноватой, скованной, при такой мамаше-то другой и не будешь! Хорошо еще девушка ум ясный сохранила, но под таким влиянием, недалеко и от дурки. Уж насколько Олег не впечатлительный, но и после встречи с этой Снежной Королевы на пенсии про еду забыл! Вот теперь мучайся из-за этого!

Ну и ладно, вчера на дне рождения поел, и хватит, нечего привыкать к баловству! Не бежать же сейчас в магазин. Лучше просто не думать о пище. Может, завтра день будет поудачнее.

Он стоял, дожидаясь лифта, когда в подъезд вошли двое. Олег машинально отметил про себя, что лица незнакомые, но разве в многоэтажке всех запомнишь? Кто-то поменял квартиру, кто-то сдал, вечно новые жильцы, новые лица. Да и кого это интересует? Только не его, тем более в сегодняшнем настроении.

Парни подошли и стали рядом. Что-то в их облике было как будто смутно знакомо. Или просто показалось? Олег, скосив глаза, посмотрел на одного, потом на другого.

Один – высокий худощавый парень с заметным кадыком, второй – среднего роста крепыш в кепке а-ля Лужков. Нет, Олег никогда их прежде не видел. Ну и бог с ними. Были бы знакомы, сами поздоровались бы.

Олег шагнул в раскрывшиеся двери кабины, незнакомцы вошли следом.

– Вам какой этаж? – спросил высокий. – Нам седьмой.

– А мне шестой, – сказал Олег и нажал свою кнопку. Двери уже закрывались, когда в подъезд вбежали еще двое.

– Эй, подождите! – закричал один из них. Высокий протянул руку, чтобы придержать дверь, но Чернов, опередив его, нажал кнопку «Стоп».

– Спасибо! – сказал один из новоприбывших, большеглазый и коренастый. Он растерянно улыбнулся и сообщил:

– Нам девятый.

Олег уже подходил к своей двери, когда из глубины коридора вынырнули еще двое незнакомцев.

«Что они сегодня, специально парами ходят? – с раздражением подумал Олег. – Не хватало еще в квартире парочку встретить».

Но встреча произошла раньше.

– Чернов? – спросил парень в кожаной куртке.

– Да, а что нужно?

На него навалились все одновременно. И эти двое, и те четверо, что были в кабине лифта, и еще несколько, невесть откуда взявшиеся. Олег пришел в себя, лишь почувствовав на правом запястье холод наручников. И тут он словно проснулся. Одним взмахом отшвырнув двоих, повисших на правой руке, следующим рывком он освободил и левую. Ударом ноги в грудь он отбросил противника, стоявшего перед ним, а выброшенным назад локтем достал одного их тех, что были сзади. Но нападающие быстро перестроились. Кто-то метнулся ему в ноги, еще кто-то повис на руке, а тот коренастый, что был в лифте, изловчившись, ударил его рукояткой пистолета по затылку. У Олега померкло в глазах. Он не знал, что его еще некоторое время остервенело били ногами и только потом, устав, отступили, переводя дух. Милиция очень не любит, когда ей сопротивляются. Не знал Чернов и того, что это только начало...

Бесчувственного и окровавленного Олега с трудом затащили в лифт.

Пришел он в себя на улице. Шестеро оперативников заталкивали его в милицейский «УАЗ». Сквозь застилавшее глаза кровавое море он увидел испуганные лица соседок, сидевших на лавочке у подъезда. Нетрудно было догадаться, что они подумали, но Олегу было сейчас не до них.

Голова гудела, от врезавшихся в кожу наручников болели руки, но тяжелее всего было то, что он не понимал, что происходит. Что за люди на него напали? И что они от него хотят? Менты? Но он ничего не сделал такого, за что его могли так скрутить. Бандиты? Им-то он зачем? Да и не похоже на бандитов, машина все же милицейская. Значит, все-таки менты? Но тогда почему его били? Могли же просто вызвать к себе повесткой.

Олег хотел спросить об этом у одного из нападавших, повернулся к окну, и тут грудь пронзила такая невыносимо резкая боль, что он потерял сознание. «Уазик» притормозил у отделения милиции и свернул во внутренний двор. Следом влетела «шестерка» с операми. Возбужденно смеясь и подшучивая над теми, кому досталось от задержанного, они вылезли из машины. Пошатываясь, выбрался и Коля Зинчук. Он не успел еще оправиться после удара Чернова.

– Куда его? – спросил большеглазый. – Кто следователь?

– Порывайко. – Бросил другой. – Ну чего встали, тащите его!

– Ну тогда понятно, энтузиаст. Этот, наверное, сразу будет колоть? – Оперативник был разговорчив оттого, что его распирала гордость, что именно его удар рукояткой пистолета остановил сопротивление силача. – Или, может, вначале его к нам, на дополнительную обработку?

– Правильно, – решил Смирнов. – Размягчим его, а Витек пусть пока бумаги выправит. А там, глядишь, и со шмона ребята подъедут.

– Сашок, куда его на долбеж, он же и так в отключке! – Водитель машины стоял возле задней дверцы и заглядывал в отсек. – Как бы в больничку не пришлось определять.

– А ты видел, что этот мясник с девчонкой сотворил? – завизжал Зинчук, пылавший жаждой мести за коварный удар. – А что до битых ребер, так ведь сопротивлялся при аресте. И вообще, Степа, крутишь баранку – крути, не лезь в оперативную работу.

Водитель, чуть ли не вдвое старше Зинчука, молча подал ему ручку от отсека для арестантов и скрылся в кабине. Ведь зарекался же не вступать в разговоры с этим сопляком. Раскрытый – с комариный член, а гонору...

* * *

– Ваша фамилия?

Олег с трудом различал лицо допрашивающего. Смотреть мешал заплывший глаз – умыться почти не дали, плеснули из кружки водой в лицо, и все. Торопились поскорее в чувство привести. Правый глаз вообще ничего не видел, левый резало светом от яркой лампы.

– Я ясно задал вопрос? – Выше среднего роста, темноволосый, широкое лицо, тонкие губы нервно кривящегося рта, узко посаженные маленькие карие глаза. Они Чернову сразу не понравились. Он, стараясь понять, в чем дело, присмотрелся. Странность действительно была – зрачки следователя все время подрагивали.

Не бегали, как это бывает порой у лжецов, а подрагивали. Мелко так дрожали, иногда Олег видел, как у пожилых людей дрожат руки, у следователя же почему-то так дрожали глаза. Вправо-влево, вправо-влево. Вкупе с сильно сжатыми желваками, создавалось впечатление, что сидящий перед черновым человек или сильно чего-то боится или замерз. А может тот был до предела взвинчен и напряжен.

«Интересно, кто же так заставил нервничать мента?» – подумал Олег. Ему, не чувствуящему за собой никакой вины, в голову не могло прийти, что он и есть причина этой взвинченности! Как и то, за что его избили, он же вообще ничего плохого не делал!

Ладно, время покажет. Скоро все выяснится, и тогда ментам туго придется. Олег для себя решил, что дойдет до прокурора, но дело так не оставит. Козлы, еще извиняться будут.

Несколько успокоившись, он снова сосредоточил взгляд на лице молча ожидавшего ответа следователя. Насмешливо-брезгливое выражение лица и манера при разговоре кривить рот. Олег даже удивился, что обратил внимание на такие мелочи. Наверное, потому, что сам следователь старался, чтобы он это заметил.

– Ну так что, говорить будешь? – не выдержал наконец следователь. – Или тебе память освежить?

– Себе освежи! – сплевывая кровь, прорычал Олег. – Без адвоката я тебе и слова не скажу.

– Ну-ну, – кивнул головой Порывайко. – И этот фильм насмотрелся. Вижу, ты не понимаешь, что тебе грозит. Убийство, расчлененка, сопротивление сотрудникам. Это кроме изготовления и хранения холодного оружия. На пожизненное тянет. Если не на вышку. А если еще и изнасилование подтвердится? Да тебя самого в камере опустят. Дай только заключения экспертиз дожидаться. Я уж постараюсь, чтобы сокамерники узнали, за что сидишь. Молить тогда будешь, чтобы расстреляли!

– Чего?! Да ты сам молись... Насильника нашел, – отмахнулся Чернов. – Охренел, что ли? Вообще, в чем меня... Где... кто... Расскажи толком, а то я ничего не понимаю.

– Карину Акопян знаешь?

– Карину? – Удивился Чернов. – Карину знаю, что она Акопян, нет.

– Давно с ней знакомы?

– Вчера познакомились. Да что с ней такое? Что не так?

– А как вы с ней познакомились?

– Я же говорю, случайно на дне рождения встретились.

– Да? – усмехнулся следователь. – А вот люди показали, что ты специально сделал так, чтобы Акопян оказалась последней из тех, кого ты развозил.

– Ну и что?

– А то, что дома она не ночевала! Вопрос, где она провела ночь? И с кем? – Порывайко пристально посмотрел в разбитое лицо Олега.

– У меня, я и не скрываю. И что с того, что у меня она была? Какие проблемы?

– Вот-вот, и правильно, что не скрываешь, – кивнул Порывайко. – Это умно – говорить, что и так нам известно. Ну, давай дальше, посмотрим, что еще расскажешь добровольно. Что с девкой делал? На твоих простынях, – мы их уже изъяли, – есть следы спермы! Драл ее?

– Ну и что? – Олегу было противно слово «драл», противно обсуждать с этим хамом свою ночь с Кариной, но, как он ни зарекался молчать, пусть хоть убьют, но вдруг само по себе получилось, что он начал отвечать. – Да, у нас была... любовь.

– Любо-о-вь?! – возмущенно протянул Порывайко. – Любовь? Да уж видел я твою любовь! Как Мальвина от Буратино, от твоей любви, вся... в занозах. Чем девку рубил? И где оружие спрятал?

– Чего? – Опешил Чернов. – Кого рубил? Ты о чем, мент?

– Я тебе не мент, а гражданин следователь! – Закричал Виктор. – Рассказывай, как убил девку? Зачем? Где оружие, куда его спрятал?

– Я ее не убивал! – Олег тоже перешел на крик. – Она ушла утром, я даже не видел когда! Я спал!

– Ну конечно, у вас же любовь! – Губы следователя сложились в презрительную ухмылку. – Трахнул и отправил? Одну? И даже на машине не подвез? Какая же это любовь?

– Да я спал, когда она ушла! – Олег дернулся и осел, скривившись от боли.

– Что, больно? – взвизгнул Порывайко. – Ничего, когда за тебя возьмутся в камере, еще не так больно будет! В другом месте!

– Да ты чего гонишь? Я же говорю... Да не виноват я ни в чем! – закричал Олег. Он повторялся, но как еще объяснить твердолобому следователю, что он не имеет никакого отношения к преступлению? – Понимаешь, не виноват!

– Ах не виноват? Может быть, может быть. Вполне. – Следователь вновь улыбнулся. – Слушай, а может, тебя кто-нибудь видел в момент совершения убийства? Подумай, наверняка ты с кем-нибудь встречался, разговаривал... Вспомни, это же алиби!

– А в котором часу это произошло? – доверчиво спросил Олег.

– А то ты сам не знаешь! – Порывайко с досадой отметил, что в простую ловушку преступника заманить не удалось.

– Откуда, вы же не сказали. – Задержанный теперь был скуп на жесты.

– Скажи, Олег, а зачем тебе столько оружия? – вдруг спросил следователь. – Сабли, мечи, топоры... Хорошо хоть пулемета нет. – Порывайко внимательно посмотрел на обвиняемого. – Или есть? А? Ну-ка скажи, Чернов, может, у тебя и огнестрельное оружие есть?

– Нет!

– Чего нет?

– Пулемета нет!

– А что есть? – Теперь вопросы следовали один за другим.

– Ничего нет!

– А как же мечи? Сабли? – закричал Порывайко. – Значит, врешь?! Да ты во всем врешь! Это ты убил, и я докажу это! И у меня есть свидетель! Сама несчастная девушка против тебя свидетельствует!

– Как это? – удивился Олег. – Так она жива?

– Нет, но это не важно. Она успела спрятать клочок бумаги с твоим именем! – торжествующим тоном произнес следователь. Видимо, приберег этот аргумент напоследок как самый убийственный, – Наверное, несчастная девчонка чувствовала, что ей не спастись, вот и решила нам всточку дать.

– Да не убивал я ее! – Олег вскочил и тут же, охнув от боли, присел. – Клянусь, не убивал!

– Ну что ж, твоя линия поведения мне понятна, но не советую играть в несознанку. Улики убийственны, и тебе не отвертеться. Уверяю, я и с меньшими фактами людей по этапу отправлял. Поехали голубчики, как миленькие! – Следователь поднял трубку внутреннего телефона. – Геннадий Семенович? Давайте заходите!

В кабинет вошел невысокий суетливый человечек. Быстро поздоровавшись, он сел рядом со следователем.

– Это дежурный адвокат. Геннадий Семенович Сурков. По закону вам положен защитник. Мы вам предоставляем бесплатного. Есть возражения? Или, может, у тебя есть свой защитник? – Порывайко уставился на Олега своими подрагивающими зрачками.

– Нет, у меня нет адвокат, – признался Олег.

– От помощи Суркова не отказываешься?

– Не знаю.

– Но тебе же нужен защитник? – напирал Порывайко. Ему было очень важно пристроить к Чернову своего, ментовского адвоката. – Или нет? Может, у тебя кто-то есть на примете? Давай телефон, позвоним, пригласим! Только тогда тебе придется посидеть в камере, пока он не придет. Так что даже если во время допроса выяснится, что ты не виноват, сегодня я тебя уже отпустить домой не успею. Или все же начнем прямо сейчас? Ну, решай, позвонить? Или вообще отказываешься от защитника?

– Нет.

– Что нет? Адвоката нет или не нужен? – продолжал забрасывать вопросами следователь. Его задача была в том числе множеством мелких и разных вопросов не давать арестованному прийти в себя и задуматься. Такой метод помогал, помимо внедрения «своего» адвоката, выбить преступника из равновесия и выболтать то, что затем поможет прижать его к стенке. – Ну, решай, мне некогда здесь сидеть и ждать, пока ты определишься. Я думаю, что без него тебе вообще не выкарабкаться.

– Адвокат да, нужен, – выдохнул Олег. Ему хотелось все закончить быстрее, в глазах у него все плыло, в голове стоял туман, раз говорят, что так он быстрее поедет домой, то пусть так и будет.

– Берешь Геннадия Семеновича?

– Да, – выдавил из себя Олег. Сурков ему отчаянно не нравился, но Олег надеялся, что через него можно будет передать весточку ребятам, а те уже постараются нанять кого-нибудь получше. – Беру.

– Вот и хорошо! Вы тогда условия между собой потом обговорите, я вам время на это дам, – пообещал Порывайко. Он был доволен. Одно дело сделано. Свой, карманный защитник к подозреваемому приставлен. Свой вратарь в чужой команде это же мечта любого тренера! Теперь и отсюда работа пойдет. – А теперь давай протокол писать. Фамилия?

Следователь быстро заполнил бланк протокола.

– Менять показания не будешь? – спросил он как бы между прочим.

– Нет, я говорил правду, я ничего не делал.

– Ну и ладно, потом сам запросишься, – недобро ухмыльнулся Порывайко. – Значит, все так и пишем? Отказ от всего?

– Позвольте! – впервые подал голос защитник. – А может, у моего подзащитного есть заявление? Может, у него психическое заболевание?

– Нет у меня заболеваний! – возмутился Олег. Не хватало еще, чтобы из него психа делали. – И не было никогда. Я не болен, я просто ни в чем не виноват.

– Да? – На лице следователя снова появилась кривая ухмылка, которая просто бесила Олега. – Я тоже думаю, что парень ты здоровый. Вот только увлечения у тебя странные. Что за монстров ты рисуешь? Себя с ними ассоциируешь? Вот бы дядька Фрейд где пораздовался! Ну ладно, приступим...

Глава 6

Когда Чернова увели в камеру, Сурков посмотрел на Порывайко.

– Что скажешь, Витек? – спросил защитник. – Расколешь? Паренек крепкий.

– А что его колоть? – Порывайко усмехнулся. – То, что она ночевала у него, не отрицает.

Да и выделения нашли на его простынях, экспертиза проверит и наверняка нашу догадку подтвердит. Трахал он ее, вопросов нет. Это раз. Холодного оружия у него полная комната. Это два. Сейчас эксперт колдует, ищет, чем это он Акопян разделявал. Силища невероятная, что тоже в картину вписывается. Три. Алиби у Чернова нет, говорит, что в машине спал. Четыре. Что еще нужно?

– Ну а если все же не он? – Сейчас Геннадий Семенович сидел, развалившись на стуле, и совсем не напоминал того жалкого типа, каким выглядел, входя в кабинет. Его уверенные повадки показывали, что он чувствует себя здесь равным среди равных. – Что если кто-то другой это сделал?

– А кто?

– Да зачем ему девчонку крошить, если они уже и так переспали? – указал, не выдержав, адвокат на явную неувязку в построениях следователя.

– Да больной он, понимаешь, больной. А значит, его поступки логике не поддаются.

– Ну, под такое объяснение любого из нас подогнать можно, – скривился Геннадий Семенович. – Мне кажется, что ты не ту ниточку тянешь... вот бабки с него получить – это можно, а под дело подвести, вряд ли.

– Да ты посмотри на его рисунки! – Следователь бросил на стол альбом и пачку листов. – Посмотри, посмотри! Это же... зверинец какой-то. Я таких даже представить не могу, а он этих монстров во всех деталях прописал. Как будто живьем их видел.

Адвокат с интересом пролистал альбом, посмотрел рисунки на отдельных листах.

– Мне этого не понять, кошмар и ужас одновременно! У парня точно в башке что-то такое сидит. странное. Не знаю, я не ценитель и не врач, – наконец сказал он. – А вот дочь, пожалуй, оценит. Дай мне их на вечер. Пусть посмотрит.

– Все не дам, возьми пару листов, – ответил Порывайко. – Я, пожалуй, тоже несколько штук возьму, может, жена что посоветует, она у меня чертями всякими увлеклась, кучу книг набрала. Я ей после того случая с гипнотизером ни в чем отказать не могу.

– Я тогда альбом беру. И не дрожи ты так, завтра верну, – засмеялся Сурков. – Ничего с ним не случится. Да и у тебя вон сколько остается. А завтра обменяемся мнениями.

– Ладно, только не потеряй, – согласился следователь. – Но альбом возьму я. Тоже хочу посидеть, подумать. Все-таки подборку делал сам Чернов, и для психологического портрета это даст больше. А ты возьми эти, что в папке. Но смотри, только на одну ночь.

Геннадий Семенович взял рисунки и направился к выходу. Не доходя до двери, он вдруг повернулся.

– А что ты будешь говорить, если убийства повторятся? – спросил он. – А Чернов-то в камере!

Знал бы адвокат, как он был близок к истине.

* * *

Сурков любил свою дочь глубоко и нежно. Невысокого роста, но ладненькая, в меру пухленькая третьекурсница юрфака, она всегда радовалась его возвращению, как маленький ребенок. Знала, чертенок быстроглазый, что Геннадий Семенович души в ней не чаёт и никогда домой не придет с пустыми руками. Это настолько вошло в привычку, что Нина иногда загады-

вала, что будет сегодня – лакомство или безделушка? Импортная косметика или компакт-диск с новым альбомом? А может, книга модного фантаста? Хотя, если папа прихватит коробку конфет, тоже будет неплохо, и ей будет рада.

– Нина, смотри, что я тебе принес! – с порога закричал Геннадий Семенович. – Только не порви, завтра отдать нужно.

Девушка встряхнула хорошенькой головкой. Пушистые волосы пшеничного цвета мазнули по лицу, и курносый нос окутало ароматом модного шампуня. Вот как, значит, отдавать придется? Что же там такого ценного?

Дежурно чмокнув Суркова в щеку, Нина нетерпеливо выхватила прозрачный полиэтиленовый файл с листами ватмана. На ходу вытаскивая рисунки, она вошла в свою комнату. Небрежно пролистав их, держа пакет за краешек, она в недоумении остановилась. Что за ерунда? Ей эти картинки зачем?

Чтобы получше рассмотреть, что же так заинтересовало отца, Нина решила включить люстру, потянулась рукой к выключателю, скользкий пакет, зажатый между пальцами, поехал вниз. Девушка дернулась, пытаясь поймать его на лету, но было поздно. Вспыхнула люстра, и в тот же момент рисунки беспорядочно разлетелись по зеленому коротковорсовому ковру.

Вот безрукая! Папа же предупреждал. Нина, всплеснув руками, стала быстро – как бы он не увидел – собирать листки. И вдруг замерла!

На нее смотрело, да-да, именно смотрело странно знакомое и незнакомое существо. Как такое могло быть, она не понимала – ведь знакомым может быть только тот, кого ты видел раньше, а Нина могла поклясться, что этого не было. И все-таки она никак не могла избавиться от ощущения, что знала прежде монстра, смотревшего на нее сейчас с бумажного листа. Нина понимала, что этого не могло быть, но в глубинах сознания зрела уверенность, что где-то когда-то она уже видела эти глаза!

Выпуклые, с тонкой сеткой прожилок, они обжигающе властно притягивали к себе ее взгляд. Девушке даже в какой-то момент, на какое-то неуловимое мгновение показалось, что глаза ожили, но она тут же уверила себя, что это обман зрения. Глаза на бумажке и вдруг ожили? Нет, конечно, все это ей почудилось!

Сердце, словно, предчувствуя беду, бешено колотилось. Лихорадочно собрав рисунки, Нина сунула их в пакет и уже собралась было бросить его на стол, но что-то ее удержало. Она вдруг поняла, что не может этого сделать.

Как это так: взять и не посмотреть остальные картинки? И вообще, чего это она так испугалась? Что случилось? Откуда в ней эта истеричность? Ну, увидела страшные глаза, художник, видимо, очень талантлив и сумел придать реалистичность своей фантазии, но от этого суть не меняется, лист бумаги остается листом и не более.

Нине ужасно захотелось рассмотреть того, чьи глаза ее так впечатлили. Не трусиха же она в самом деле, чтобы страшилок разных пугаться. Фильмы-ужастики смотрит, и то ничего, а тут какие-то картинки!

Медленно пролистав рисунки, нашла искомый и убедилась, да, на этом красавце стоило задержать внимание, это был, если так можно выразиться, роскошный монстр. Дикое словосочетание, но иного Нина подобрать не могла. Точнее, не хотела.

Рисунок был выполнен в формате головного портрета. Крупное, волевое лицо занимало две трети величины полотна, отчего тщательно прописанные детали создавали впечатление фотографической точности передачи изображения. Облик существа был почти человеческим, впечатление портили только толстые рогообразные костные наросты со сложным рельефным рисунком, что шли от центра чела и, обвивая его венцом, уходили к затылку. За ушами нарост резко спускался вниз и достигал мощных мышц шеи. Нечеловечески тяжелый сатанинский взгляд из-под нависших прямых бровей увеличенного рогами лба, высокие скулы, широкий, почти безгубый рот и удлиненный подбородок завершали портрет демона. Даже Нине, совре-

менной девушке, выросшей в век компьютеров и электроники, было понятно, что она видит самого Хозяина Тьмы. Искусная рука художника сумела игрой света и тени придать черно-белому рисунку объем, и, как ни удивительно это звучит, цвет. Да что объем и цвет, портрет был выполнен с такой реалистичностью, был так тонко проработан до малейших деталей, что монстр, казалось, вот-вот оживет.

– Мамочка! – сдавленно проговорила Нина. К страху, воцарившемуся в ее душе, примешивался восторг, ведь она была уверена, что бояться нечего, что на самом деле ей ничто не грозит.

– Что, дочка, и тебя зацепило? – услышала она голос отца. Нина даже не заметила, что он зашел в комнату. Геннадий Семенович стоял в дверях и с любопытством наблюдал за своей любимицей. – Каков художник, а, Нинка? Нравится?

Девушка молчала. Ей почему-то не хотелось, чтобы отец увидел того, кто привлек ее внимание. Медленно, как бы машинально, она взяла следующий рисунок. Это был силач с кабаньей головой. Раздутые мускулы не произвели на нее впечатления, она быстро взяла другой листок. Этот монстр тоже был не из тех, что могли привлечь ее внимание. Печальные глаза над козлиной мордой, все тело, как и лицо, покрыто густой шерстью. Фу, этот ей совсем не нравится.

– Нет, не очень, – ответила она. – Разве что вот этот.

На картинке был ягуарочеловек. Рельефные, но не тяжелые мышцы, пластичная и гибкая фигура. В руке чудовища, поднятой над пятнистой головой, был зажат меч с закругленным черным лезвием. Другая рука хищника была выброшена вперед. Ее пальцы заканчивались длинными грозными когтями, легко было представить, с какой легкостью они могут разорвать любую кожу и мышцы. Да что кожу, наверняка этот ягуарочеловек одним ударом такой лапы мог снести голову с плеч противника.

– А знаешь ли ты, кто нарисовал всех этих, – Отец замолчал, подбирая название.

– Монстров? – подсказала Нина.

– Пусть будут монстры, – согласился Геннадий Семенович. – Так вот, знаешь ли ты, кто автор этих рисунков?

– «О. Чернов», – прочитала она подпись. – Наверное, Олег. Или Остап.

– Олег, – подтвердил Сурков. – Мой подзащитный.

– Как это твой подзащитный? – удивилась Нина. – Его что, за эти картинки судить будут?

– Нет, что ты, за картинки у нас не сажают, – со вздохом ответил адвокат. – Пока не сажают. А судить его будут за убийство. Девчущку одну на куски порубил. Любовницу свою. Чуть постарше тебя была.

– Как любовницу? Может, он ее изнасиловал?

– Нет, не думаю. – Сурков печально кивнул. – В квартире у Чернова следов борьбы не обнаружено. Хотя что ему стоило сломить ее сопротивление? Бедняжка была в руках убийцы как игрушка.

– В каком смысле? Он что, недоразвитый? – В студентке юрфака проснулся профессиональный интерес.

– Да уж, конечно, недоразвитый! Еще какой развитый! Здоровенный бугай! Здоровенный, наверняка силищи в нем, как в этих зверях, что на его картинках! У него в каждом движении видна такая мощь, что даже я, мужчина, и то рядом с ним чувствую себя неудобно! – Сурков нервно кивнул на принесенные с работы листки. – Вот он правда, такой, как эти его монстры.

– Я имела в виду умственное отставание, – терпеливо пояснила Нина. – Обычный человек такое не нарисует, он просто не сможет такое придумать.

– Может быть ты права. – Защитник и сам подумывал о таком варианте. Но пока что со стороны задержанного с ним никто не связывался, гонорар за адвокатские услуги не предлагал,

а потому и говорить о таком ходе защиты было рано. Вот пойдут деньги, тогда и о методах поговорить можно будет. – Смотри, какая у меня помощница выросла, отцу уже идеи подает!

– Да, папа, ты так думаешь? – улыбнулась студентка. – Я тебе, правда, помогла?

– Да, умница моя, вполне возможно, что я приму твою версию за рабочую. – Сурков ласково улыбнулся, – Но потом, не сейчас. Пока Чернов от всего отказывается. Вот когда он расколется... если расколется, тогда и предложим эту линию защиты. Ну да ладно, давай посмотрим, что нам мать поесть приготовила?

Отец скрылся на кухне. Не удержавшись, Нина быстро выхватила картинку с Демоном. Вгляделась в глаза. Так вот кто тебя создал, убийца и насильник? А эти рисунки, это отображение его души? Может картины предвестники преступления? Вот бы на кафедре показать! Юрий Иванович был бы доволен! А что, если и вправду ему показать рисунок? Но как же это сделать, если отец завтра должен отнести его назад? Подожди, а если сбегать к Вике? У ее отца целый офис на дому – и компьютер есть, и комбинированный принтер с копировальным устройством.

Быстро собрав листки в пластиковый файл, девушка побежала по лестнице.

* * *

– Инна, есть хочу, сил нет! – Порывайко приехал домой голодный как волк. В суматохе сегодняшнего дня он так и не улучил минутку, чтобы перекусить. Утром не хотелось, а затем охотничий азарт и желание быстро, по горячим следам провести расследование закрутило, завертело следователя так, что, только подъезжая к дому, он вспомнил о своем пустом желудке. И тут же под ложечкой так засосало, что он еле дотерпел до своей квартиры. И здесь выдержка изменила ему окончательно.

Инна удивленно посмотрела на мужа, таким возбужденным она его видела впервые.

– Инночка, поторопись, для тебя я сейчас страшнее роты пьяных эсэсовцев! – прорычал он, счастливый и злой. Счастливый оттого, что у него есть жена, которая любит его и ждет, а злой потому, что некогда ему нежиться в ее объятиях, вместо этого приходится целыми днями общаться со всякой мразью. Такой вот, как сегодняшний Чернов.

– Если не накормишь, умру прямо на пороге нашей спальни! – закричал Порывайко.

– Ужин давно готов. – Инне всегда доставляло удовольствие кормить мужа, но почему бы при случае и не поворчать? Привлекательные женщины имеют право на небольшие недостатки. А в том, что она привлекательна, Инна не сомневалась. Высокая, длинноногая спортивно сложенная, с темной короткой стрижкой выгодно подчеркивающей ее бледную кожу и светло-голубые глаза, она ежедневно ловила на себе восхищенные мужские взгляды и это ей нравилось. А еще Инне нравилось, что муж считал ее настоящей красавицей, оттого она любила немного подразнить Виктора, убедить его в том, что ревнует. Пусть потешится, поднимет свою самооценку. – А там тебя что, не покормили?

– Где там? – опешил Порывайко. – А, опять бабские заходы! Инка, на грубость нарываешься? Я сегодня столицу от маньяка избавил, а тут в собственном доме никакого почтения.

Порывайко схватил сосиску, засунул ее в рот и, почти не разжевывая, проглотил.

– Маньяка? Это какого еще, – Тут Инна заметила, что делает муж, и в притворном возмущении вскинула руки. – Витя! Ну как маленький ребенок! Я тебе сейчас... Иди хоть умойся, а то после этих ваших уголовничков подхватишь какую-нибудь заразу.

– Бегу! – Виктор с полным ртом потрусил в ванную.

Ему нравилось подчиняться жене, нравилось ее стремление к руководству семейным бытом. Это было вообще характерно для большей части послевоенного мужского населения России. Слишком много оказалось неполных семей, слишком много мальчиков выросло без отцов. Привыкнув к безусловному лидерству мамы в семье и к ее постоянной опеке, моло-

дые мужья охотно переходили под такую же опеку, теперь уже со стороны жен. Хорошо это или плохо? Наверное, плохо. Сбросив со своих плеч часть ответственности за семью, так и не ставшие мужчинами мальчики быстренько спивались, теряли остатки авторитета, и вот уже новое поколение пацанов выросло без мужского влияния. Но чья вина в этом? Войны? Культа личности? Слабохарактерности самих мужчин? Или, может, виноваты волевые женщины? Нет, только не они, безропотно несшие на своих плечах бремя заботы о детях, эти женщины достойны памятника, а не упрека. Наверное, должно было пройти немало времени, чтобы сменились поколения и мужчины снова поняли, что они должны работать не только на службе, но и дома. Работать над тем, чтобы семья была прочной, работать, чтобы женам не приходилось тревожиться о завтрашнем дне... Чтобы наши женщины наконец почувствовали себя замужем.

Выйдя из ванной комнаты, Порывайко шумно засопел носом, втягивая упоительный запах, шедший из кухни. Копченые сосиски с отварным картофелем и соленой капустой. Да это же его любимое блюдо!

– Инночка, теперь бы еще грамм сто! – Порывайко просительно посмотрел на жену.

Инна заранее знала, что так и будет, а потому в морозилке охлаждалась бутылка кристалловской водки. Но не сдаваться же так сразу?

– Это с какой такой радости? – спросила она, изображая недовольство.

– Как с какой? Ты что, не понимаешь? – Муж приосанился. – Я же такое дело раскрутил. По горячему. Прямо с колес, в день совершения. Видела бы ты этого зверя!

– Так ты не шутил, когда говорил про маньяка? – удивилась супруга. – Это, что правда?

– Конечно правда! – Виктор почувствовал, что без ста, а то и больше грамм он сегодня не останется. – Самый настоящий маньяк. Трахнул девку, а затем разрубил на куски.

– Да ну?! Как же вы его поймали? – У Инны мороз по коже пошел, О том, что существуют маньяки, она, конечно, знала, но вот соприкоснуться с ним вот так, можно сказать, лично... Ну пусть через мужа, но это же все равно почти лично. От мысли, что ужас был так близко, но теперь уже не страшен, ее охватило возбуждение.

– Служебная тайна, – строго сказал Виктор. – Но за сто грамм готов продаться и выболтать жене все подробности!

Инна, лукаво улыбнувшись, достала бутылку. Белесая от инея, она царским подарком глухо стукнулась о стол.

– Я всегда знала, что ты себя проявишь, – сказала она с восхищением. – Так оно и произошло. Я так рада!

– Может, рюмочку со мной? – предложил Порывайко. – Одну! А то ничего не узнаешь!

– Давай, – махнула рукой жена. – И рассказывай, не томи.

Виктор медленно, с чувством наполнил две рюмки.

– Жди теперь, Витек, повышения! – поздравил он сам себя. – За тебя, очередная моя звездочка!

– Чтоб сбылось! – поддержала жена. Оба выпили, Виктор крякнул и зачерпнул капустки, а Инна сразу же схватилась за горячую сосиску.

– Представляешь, – начал он свой рассказ, – оружия у него в доме – что в твоём музее. Топоры, сабли, даже мечи есть! Ребята все притащили, так там один двуручный был. С одним большим клинком и двумя маленькими. Таким махать, знаешь, сколько силы нужно?

– Так ты же говорил, что маньяк ваш здоровый как бык! – напомнила Инна. – И много он так женщин погубил?

– Пока не знаю, завтра запрос разошлю... – Виктор удивился, почему он сам об этом не подумал. – Может, и в других местах отличился. Представляешь, он эту бабу свою на четыре части развалил.

– Да не может быть! – Инна всплеснула руками, – Изнасиловал, наверное? Зверюга и извращенец!

– Говорит, что сама дала, по любви. – Виктор под шумок налил по второй. – Врет, наверное. А вообще, экспертиза покажет, как оно было, по любви или нет. Ну, давай, за нее, за любовь!

Теперь Виктор выпил, не дожидаясь жены.

– Ты знаешь, он вообще со странностями. Таких чудищ рисует, – продолжал Порывайко, закусывая сосиской. Ему нравилось, что Инна слушает его с таким восторгом. – Я тебе принес глянуть, в дипломате лежат...

Договорить Виктор не успел. Зазвонил телефон. Кому это приспичило в такое время?

– Слушаю вас! – сказал он в трубку. – Да, Порывайко! Да! Да... Что?! Не может быть!!! Выезжаю!!!

* * *

В полутемной камере Олег с трудом нашел свободное место и осторожно, стараясь не делать резких движений, присел. Кружилась голова, тошнило, и страшно хотелось спать. Надо было поздороваться с сокамерниками, но Олег боялся, что стоит ему открыть рот, как его тут же вырвет. Только этого не хватало, здесь и так не продохнуть от вони. В помещении стоял отвратительный запах параша и давно не мытых тел. Прислонившись спиной к стене, Олег постарался сосредоточиться и взять себя в руки.

– Эй, умер, что ли? – раздалось у него над ухом, кто-то потряс его за плечо. – По какой статье зашел?

Олег, не в силах ответить, провел рукой по горлу и махнул рукой.

– Отстань от человека! – послышалось из глубины камеры. – Видишь, его как дуплили. Мусора половину здоровья отняли.

– Видать, доказательств маловато, – отозвался еще один обитатель камеры. – А может, на шивость пробивают. Вдруг поплывет, вот на него всяки и спишут. Меня тоже первую неделю каждый день били.

– Не гони, они по ночам бьют, – возразил еще один сокамерник.

– Ну, правильно, каждую ночь и били, – без споров согласился говоривший. – Просто я выразился так. Сначала на делу под подписывали, а потом просто заставляли кого-нибудь на районе сдать. Кого угодно! Что знаешь, мол, то и рассказывай. Убивали, суки ментовские!

– Это у них называется контролировать оперативную ситуацию, – подал голос еще один. – Тихари ленятся сами работать, вот и выколачивают информацию у тех, кто в камеру попал. Заодно и удары отрабатывают! Козлы!

Олег закрыл глаза и прислонил голову к холодной стене. Вступать в разговор не было ни желания, ни сил. В глазах стояли круги, в душе пустота. Как ни странно, но после первого шока от известия о гибели Карины он до сих пор не осознал полностью, что та, которая всю прошлую ночь была в его объятиях, теперь мертва.

Возможно, если бы его не избили, а просто вызвали на допрос и там огорошили этим сообщением, то потрясение было бы сильнее, но разве наша милиция умеет по-другому работать?

Болело все тело, гудела голова, в мыслях стоял полный разлад. Почему все думают, что это он убил девушку? Почему ему не верят? Только из-за того, что они с Кариной переспали? Да каждую ночь кто-то с кем-то спит. И не единожды. Если хотите, то и не с одним или одной. И не только ночью. Люди и в другое время суток тоже не отказывают себе в этой радости, за это не арестовывают.

Черт возьми, почему Карина его не разбудила? Он бы наверняка проводил ее, и тогда, может быть, она бы осталась жива. И уж точно его рисунок остался бы дома и не вывел бы ментов на него. И зачем только она его утащила?

Рисовал Олег всегда, сколько себя помнил. И действительно только шариковой авторучкой. В этом молва о нем не врала, ничего другого Олег не признавал, хотя перепробовал все – от карандашей и до пастели. Способности ребенка не остались незамеченными. Еще в дошкольном возрасте он поражал всех точностью изображения, тщательной проработкой деталей, искусным воспроизведением игры теней. Мама показала его рисунки в художественной школе, маленького Олега приняли туда сразу в четвертый класс. Ему прочили большое будущее, но отец, который и думать не хотел ни о чем, кроме арены, решил иначе.

Школа и занятия спортом отнимали у младшего Чернова столько сил и времени, что было не до рисования. А потом все закрутилось, завертелось, пошла взрослая жизнь, надо было самому зарабатывать на хлеб. Какое тут искусство! Пришлось вместо него заниматься реставрацией, пусть это не творчество, зато денежно.

Олег очнулся оттого, что пошевелился. Твердые доски не лучшим образом действовали на избитое тело, резкая боль напомнила о страшных реалиях сегодняшнего дня. Сколько же он пробыл в забытьи? Час? Два? Судя по тому, как онемели мышцы, довольно долго. Интересно, сколько там натикало? Часы отобрали вместе с остальными вещами, так что он не имел понятия, который час. Вечер? Нет, скорее, ночь, допрос кончился поздно.

Как же могло так получиться, что он оказался в камере? Почему он должен отвечать за то, чего не совершал? Почему все это произошло именно с ним? Почему все так? Стоп! Остановись, не накручивай себя. Нельзя раскисать. Есть же способ уйти от боли и неприятностей. Он же не один. С ним его друзья, его монстрики. Те, которые с детства помогали ему и которых он всю жизнь рисовал. Они ни разу не предали своего Олежку, всегда его понимали и подбадривали. Даже когда мама ругала и наказывала, они приходили и утешали его, принимались играть с ним, носиться по другим мирам, по другим измерениям.

Олег прислушался. Он почувствовал, что они и сейчас ждут его. Они всегда ждут. Достаточно только отправиться в путешествие и уйти в пустоту...

– Мы здесь! Мы идем за тобой! Ничего не бойся, мы с тобой! Ничего не делай, мы найдем тебя и поможем! – вдруг услышал он незнакомый голос.

Олег вздрогнул. Что это? Неужели это начало происходить уже и наяву?

Он осторожно посмотрел по сторонам. В тусклом свете слабой электрической лампы, закрытой густой решеткой, разглядеть что-либо было затруднительно, но все-таки он бы заметил, если бы сокамерники забеспокоились. Получалось, что кроме него эти слова никто не слышал? Значит, это у него в голове? Или почудилось? Да, скорее всего, не мог же он один слышать, а все остальные нет! Скорее всего он просыпаясь успел услышать конец разговора монстриков. Или, наоборот, только вошел в состояние сна, и тут же от чужих слов проснулся. Наверное, часть сознания сама по себе стала уходить в пустоту. Что ж, при такой головной боли это немудрено. Мозг помнит, как Чернову было хорошо среди своих друзей, вот он, защищая психику Олега, отправляет сознание в такое место в памяти, где он чувствует себя комфортно.

– Мы с тобой! Мы поможем. Не бойся, мы уже близко!

Господи, опять этот голос! Олег вздрогнув, огляделся, нет, он не обманывается, все спят! но он же явственно слышал, значит должны слышать все остальные обитатели камеры! Иначе и быть не могло! Голос громкий, отчетливый, он бы обязательно кого-нибудь, да разбудил! Или... или это у него в голове? Раньше такого не было. Прежде с ним говорили только тогда, когда он сам обращался к кому-то из персонажей своих фантазий. Вернее будет сказать, он сам спрашивал и сам же отвечал за них всех, и лишь благодаря его воображению получалось так, что каждый выдуманный герой как будто бы жил своей собственной жизнью. Такое бывает в детстве – один общается с феями, другой с волшебниками, а кто и с такими же малышами, как

он, но только из сказок. А у него всегда были его монстрики. Тогда он слова монстры не знал, называл своих друзей мультиками – считал, что это в его голове мультики показывают! Для маленького Олежки не имело значения, что все его друзья такие странные, для него они были красивыми и добрыми. Он к ним привык! Он настолько к ним прикипел, что когда подрос и мультики перестали проигрываться в его голове, стал сам рисовать их. В альбоме, в книжках, в дневнике, да где угодно, везде были только те, кто приходил к нему в его фантазиях. Поначалу мама, отец, учителя, да все пугаются, кто видел детские рисунки маленького Чернова, пугались, думали, что дети не должны изображать такое. Что страшные волосатые, мускулистые чудовища не должны жить в детской головке, но что может современная наука при встрече с настоящим желанием, с настоящей волей? Никто и никак не смогли убедить Олежку отказаться от своего творчества. Все, что добились «доброжелатели», это то, что младший Чернов перестал показывать кому-либо свои рисунки, и только все понимающая добрая мама знала, что он продолжает изображать чудовищ. Кто лучше мамы знает своего ребенка? Кто больше мамы верит в него?

– *Мы близко! Мы идем!*

Откликаясь на зов, Чернов машинально открыл глаза. На этот раз подхватился не один Олег.

– Братва, слышите? – Один из сокамерников поднялся с нар:

– У мусоров что-то не то происходит.

– Да ладно, не гони, спать только мешаешь, – раздраженно пробормотал тот, кто ранее вступился за Олега. – Мало ли что они там придумали? Нажрались, вот и...

Договорить он не успел. В коридоре послышались выстрелы, один, другой, кто-то вскрикнул, стена содрогнулась от сильного удара. Удар повторился, теперь уже ближе. И еще ближе! Они стали раздаваться все чаще, и уже почти рядом!

В камере уже никто не спал. Вспокоенная братва тревожно озиралась. Кажется, только один Олег не вскочил на ноги. Он бы и рад, но не было сил. А удары приближались.

Арестанты тихонько подкрались к двери.

– Третья, – уверенно сказал тот, что проснулся первым. – Вован, точняк третья камера!

Удар.

– Четвертая! – констатировал арестант.

Удар.

– Первая! – Теперь считали уже хором.

Удар.

– Вторая!

Удар.

– Шестая! – Заорали хором сразу несколько голосов. – Братва, наша следующая!

Все отпрянули от двери. Кто-то в суматохе споткнулся о ногу Чернова и, матерясь, упал. Следом повалились несущиеся за ним сокамерники.

Грохот от толчка в дверь был такой силы, что у Олега зазвенело в ушах. На арестантов посыпались куски бетона. Дверь сошла со своего места и опасно наклонилась внутрь камеры.

А удары не стихали.

– Эт-то-о ч-ч-что? – заикаясь, спросил кто-то в глубине камеры. Олег даже не успел заметить, как все оказались там.

– Землетрясение, – буркнул другой.

– Тогда это тюрематрясение! – подал голос следующий сиделец.

– Ну да, – отозвался еще один. – Дверное.

– Да хватит вам базлать, остряки нашлись! Ремонт, наверное, начался.

– Ты чего лепишь, какой ремонт посреди ночи! – прикрикнул тот, кого называли Вованом. – Башкой своей прикинь, кто так ремонтирует? Если бы это был ремонт, нас бы в другую хату завели!

– Да тихо вы! – шикнул тот же голос, который считал удары. – Слышите, вроде стихло.

Действительно, в коридоре наступила тишина. Да еще какая! Опасливо поглядывая на дверь, кто-то из самых нетерпеливых подобрался к образовавшемуся пролому. Заглянул и отпрянул. Снова прикинул к щели.

– Братва, мусора в натуре замочили, – прошептал он.

– Гонишь! – не поверил Вован. – Дай я гляну.

В луче света, пробивавшемся в камеру сквозь щель, Олег смог разглядеть говорившего. Невысокий, молодой, спортивного сложения, тот быстро заглянул в коридор.

– Вареник! Ты где мента видел? – спросил он.

– Ты вниз, вниз посмотри, – сказал тот, кого называли Вареником.

– Ну, вижу, лежит кто-то. Но кто это, не видно. Ноги только торчат. Башмаки, правда, мусорские.

– А красный шнурок на штанах? – не унимался Вареник. – Шнурок видишь?

Любопытный Вован, стараясь заглянуть подальше, толкнул от себя. Искореженная рама не поддалась, в сердцах он двинул ее изо всех сил. Страшный скрежет упредил падение массивной конструкции, затем с грохотом рухнула в коридор.

вновь клубы пыли и строительного мусора обрушились на братву.

– Нет, ну что за хрень? – начал стоявший рядом с Олегом арестант, но тут такой же грохот раздался из соседней камеры. Все в недоумении застыли. Неугомонный Вареник высунулся в коридор.

– Вован! В натуре, это засада! – закричал он. – Во всех хатах калитки выбили. Висят, как у нас. Висела... Бдя буду, на кипиш нас подписывают!

– Да не пыли ты! – разозлился спортсмен. – Дай подумать!

– А я ничего, – сник Вареник. – Только стремно все это.

– Прикинь, здесь мусора завалили! – закричали из соседней камеры. Видимо, и там увидели труп в коридоре.

Раздался грохот еще одной падающей двери, в потолок ударил вопль. Все же то, что должно было случиться, случилось, тяжелая стальная дверь рухнула на одного из сидельцев.

– Человека задавило, врача в хату вызывайте! – пронеслось по коридору. Братва с ходу сообразила, что появился повод пробить ситуацию. – Дежурный! Что за дела? Врача давай! Лепилу давай! Человек помирает! Почему никого нет?

– Врача! Врача вызывайте! – кричали голоса. – Да что происходит? Вымерли все, что ли?

– Вареник, беги на пост, с понтом врача нужно, – приказал шепотом Вован. – Цинканешь оттуда, что и как. Давай, быстро!

Варенику и самому уже невтерпеж было стоять на месте. Выскочив в коридор, он побежал по коридору.

– Врача, человека убило! – заорал Вареник на всякий случай. – Лепилу давайте, помрем тут все!

Вован покачал головой, минуту подождал и, не выдержав, тоже вышел в коридор. За ним потянулись и другие.

– Них... Афигеть! Смотри, как его! – воскликнул один из заключенных. – Да его же надвое развалили! Вован, смотри!

– Ну ни х-хрена себе, – протянул Вован. – На подставу непохоже. Это точно мусор, Равиль его зовут. Вредный... был. Не, братцы, это не постановка, ради нее мусора своих мочить не будут. Тут что-то не то.

В это время в конце коридора появился Вареник.

– Братва! Валим отсюда! – заорал он. – Всех мусоров порубили. Всех! На куски! Бошки, руки отдельно, тела отдельно валяются! И кровяные, мама родная! Даже потолок забрызган! Я блеванул там походу! их как косо́й разрубил, кишки везде валяются.

– Да ты гонишь! – Не поверил ему один из сокамерников.

– Хочешь, сам иди смотри, – огрызнулся Вареник. – Вован, кули стойшь, бежим! Сейчас сюда ОМОН или СОБР налетит, всем достнется! Они правых виноватых не знают, если нас рядом с этим мочиловом прихватят, расшмаляют и разбираться не будут.

В том, что говорил Вареник, был свой резон. Озверев от гибели коллег, менты могли в любой момент устроить беспредел.

– Так, только уходим все! – скомандовал Вован. – Чтобы никто не остался! Иначе потом на тех, кто подорвался, все и спишут. А так все ушли, все ровно. Ну не захотел народ попадать в непонятки, вот и ушли.

– А как же новичок? – спросил тот, кто стоял рядом с Олегом. – Сам он не выйдет!

– Вынесем. – Вован вошел в роль лидера. Он незаметно поднял пистолет, валявшийся рядом с трупом. – Эй, братва, вываливайтесь из хат и уходим. Мишань, бери людей и вытаскивай этого.

Лидер кивнул на Чернова.

Олег не стал ждать помощи и начал подниматься. От боли потемнело в глазах, сознание помутилось. Почти ничего не понимая, он позволял тащить себя по коридорам, автоматически переступая через пороги и поворачивая вслед за теми, кто его тащил, подхватив под мышки. Если б они его выпустили, он бы рухнул на землю. Глаза его были закрыты. Открыть их просто не хватало сил. Работали одни только ноги.

Он не понял, как оказался на свободе. Его спрашивали, он почти не понимал, что, отвечал, его тоже не понимали... Затем просто потерял сознание.

Глава 7

Утро пришло неожиданно, словно зима для коммунальщиков. Всем ведь известно, что в календаре российского чиновника зима не предусмотрена, иначе почему она из года в год застаёт нас врасплох? Вот и Инна оказалась в похожей ситуации. Почти полночи напрасно прождала мужа и только закрыла глаза, как тут же зазвенел звонок. Лучше бы совсем не спала. Голова просто раскалывается. Может, часы спешат? Да нет, сама ставила. Хочешь не хочешь, нужно вставать.

Инна вскочила. Превозмогая лень, она принялась делать зарядку, по опыту зная, что иначе ей обеспечена на весь день головная боль. Хорошая разминка, потом контрастный душ – это ей необходимо. И чашка крепкого кофе. Нет, в этой жизни еще не все потеряно. Некоторые радости остались.

Выбежав из ванной, Инна на минутку задержалась перед зеркалом. Плоский живот, стройные ноги и почти девичья грудь. Попка тоже ничего, еще не опала, круглая и аппетитная. Нет, за фигуру ей не стыдно. Вот только для кого все это? Виктор снова не ночевал дома. Это уже становится правилом. Как только дело доходит до дела, тут же вызывают на работу. Что это за работа такая, просто непонятно!

Инна присела, держа в руках чашку с чудесным ароматным напитком. Вспомнился вчерашний ужин. Так хорошо все шло! Витя пришел довольный, ужин понравился, выпили. Муж похвастался успехом – маньяка поймал. Сволочь такая, женщин на куски рвал! Вот что им женщины так дались? Пусть мужиков рвут! Трахают и рвут! Или режут, там у них не разберешь! Да и не важно! Зато можно было бы оценить, кто из них круче. А то моду взяли: как что, так сразу слабый пол. Уроды! Монстры недоделанные!

О, монстры! Что это там Витя про них говорил? Вчерашний маньяк художником оказался? Точно, так и сказал, чудищ рисует!

Инна вскочила и пошла в комнату. Так и есть, дипломат мужа остался на журнальном столике. Может, посмотреть? Витя же сказал, что для нее принес, чтобы посмотрела! А если она понесется в институт, а он приедет, заберет дипломат и уедет? И она ничего не посмотрит? Получается, не выполнит просьбу мужа!

Убедив себя, что действует как примерная супруга, а не как любопытная Варвара, Инна приступила к делу. Щелкнув замками и подняв крышку дипломата, она тут же увидела то, о чем говорил муж.

Альбом с рисунками лежал поверх всех бумаг, и Инна в нетерпении раскрыла его сразу на середине. И тут же в ужасе отпрянула. Инне показалось, что на нее глянул зверь. Нет, это был не просто зверь. Это был ЗВЕРЬ! Или, все же человек? Монстр? Да, пожалуй, это самое точное определение.

Крупный, хорошо развитый, человеческий торс, венчала большая рогатая бычья голова с горящими глазами. Мутант был так красив своей мощью, своей мужской силой, что просто завораживал. Тугие, пересеченные узлами вен ленты мышц перевивали все его восхитительно сильное мужское тело. Особенно впечатляли мускулы спины и шеи, воротником подпирающие гордо вскинутую голову.

Художник сумел сделать так, чтобы даже звериная морда казалась красивой и привлекала взор. Возбужденно раздутые ноздри и огнедышащий взгляд налитых кровью глаз говорили, да нет, просто кричали о настоящем мужском желании. Не о том рафинированном, что с цветочками и вздохами, а об истинном, пещерном, таком, от которого женщины теряют голову.

Господи, вот это экземпляр! Такой бы не бросил женщину одну. И не побежал бы прикрывать свою немощ этой бесконечной работой. Вот для такого и рабыней стать не страшно.

Инна почувствовала, как низ живота наполняется теплом. Черт возьми, она давно уже привыкла сама помогать себе, не ждать же, когда муж найдет время для своих незатейливых ласк! Но боже, это так унижительно! К тому же сейчас, когда Инне пора было выходить, иначе опоздает на очередные занятия, такой прилив желания был ни к чему. Быстро захлопнув альбом, она сунула его назад в дипломат. И уже выходя, в дверях, остановилась и обернулась.

Ее словно что-то удерживало, не отпускало.

Вернувшись к столу, Инна раскрыла скоросшиватель и вытащила несколько рисунков. Можно было взять и весь альбом, но, как говорится, береженого бог бережет. Неизвестно еще, как наставник отнесется к рисункам, а неприятности ни ей, ни Виктору не к чему!

* * *

Чернову снилась Илса. Она была в тонком черном свитере, плотно прилегающем к телу, и в голубых джинсах. Девушка сидела в старинном кресле с прямой спинкой и читала книгу. Кресло стояло боком, и Олег имел возможность, не тревожа Илсу, вдосталь налюбоваться всем тем, до чего добирался его взгляд. Хорошая чистая кожа, овальный подбородок, по-девичьи пухленькие губки и небольшой, правильной формы нос – положительно, при всей своей требовательности, недостатков в Илсе Чернов не находил.

В очередной раз подтвердилось его давнее наблюдение: если человек по-настоящему красив, то ты каждый раз находишь в нем что-то новое, что-то еще более привлекательное, ускользнувшее от твоего взгляда ранее. Сегодня ты любишь фигурку, ножками, грудью, а завтра ты вдруг замечаешь, как прелестно разлетаются ее четко очерченные брови. Проходит время, и тебя умиляет ее маленькая ступня или нежная кожа. А еще наслаждаешься, когда твои руки обнимают ее тонкий стан, или согревают в ладони ее замерзшую ладошку. Тебе нравится ее запах, ты представляешь ее в нарядах пушкинских времен и влюбляешься в эти бело-снежные плечи, в эти тонкие пальцы, что листают страницы книги лежащей на очаровательных коленках.

Интересно, что она читает? Если бы это был не сон, Чернов спросил бы, обязательно. Он сам любил книги, и ему всегда было интересно, что предпочитают другие люди. Но во сне спрашивать не хотелось, все равно это же его сон, а не ее, значит, и сниться Олегу будут прочитанные им, а не Илсой, книги. Но действительно забавно было бы узнать, какие книги она любит? Фантастику? Детективы? Или классику? Только не любовные романы! Это было бы разочарованием.

Мышцы спины затекли, Чернов начал было поворачиваться на бок, но его пронзила такая острая боль, что он, не сдержавшись, застонал. И тут же Илса оказалась рядом с ним. Ее волшебной прохладной рукой легла на лоб, и Олегу сразу стало легче. Черт с ней, с этой болью, лишь бы сон не кончался! Хотелось пить, но Чернов решил перетерпеть, чтобы не спугнуть чудесное видение. Однако его пересохшие губы сами пошевелились, и это не ускользнуло от внимательного взгляда заботливой сиделки. Девушка вышла из комнаты и тут же вернулась с чашкой в руке.

– Пей, это тебе поможет, – услышал Олег ее теплый грудной голос. Такой родной, такой желанный! – Давай я тебе помогу подняться...

– Какой сон хороший, – еле слышно пробормотал Чернов и тут же испугался: вдруг он проснется и окажется в камере?

Видимо, эта мысль отразилась на его лице.

– Олег, все хорошо, – ласково, как маленькому ребенку, сказала Илса. – Я объяснила маме, что ты друг и я верю тебе.

Маме? А при чем здесь мама? Следователь не послушает никакую маму. Ишак твердолобий! Он уже вынес свой приговор, и теперь его ничто не убедит, что Чернов не убивал Карину. Господи, Карина! Как же он забыл о трагедии! Наверняка Илса уже знает о ней!

– Олег, ты меня слышишь? – Погруженный в свои мысли, Олег не сразу услышал голос Илсы. – Олег, ответь!

– А разве я... я не сплю? – удивился он.

Илса, отпаивая Чернова настоем из неизвестных ему трав, рассказала, как они с мамой перепугались, когда ночью неизвестные люди привезли его и, позвонив в дверь, убежали! Мама долго не решалась открыть. Когда же они, наконец, набрались смелости и выглянули в коридор, то, увидев окровавленное лицо Олега, сидевшего, прислонившись к стене, не сразу узнали его. А узнав, еще больше испугались. Точнее, испугалась Илса. Алла Рихардовна, наоборот, словно бы напрочь забыла свою нелюбезность, выказанную при первом знакомстве. Она так рьяно взялась оказывать помощь, что Илсе почти ничего делать не пришлось.

– Подожди, я не понял! Так я у вас дома? – растерянно проговорил Олег, озираясь.

– Ну конечно! – Илса засмеялась. – А ты думал где?

– Я вообще ничего не думал, – ответил Олег. Он был ошеломлен, – Мне казалось, что я сплю. Но как я оказался здесь?

Теперь настал черед удивляться Илсе.

– Это ты у меня спрашиваешь? И вообще, может, ты объяснишь, что с тобой произошло?

У Олега перехватило дыхание, он чувствовал себя так, будто земля ушла у него из-под ног и он летит в бездонную пропасть. Он тоже ничего не помнил! Помнил, как проспал, помнил, как его арестовали, помнил, как били – такое вряд ли забудешь! А вот как он оказался на свободе, и не просто на свободе, а здесь, у Илсы?

Черт, сейчас он был готов оказаться где угодно, только не здесь! Ведь ему придется поведать хозяевам обо всем, что с ним произошло, а как он расскажет о Карине? О ночи с ней, о том, что его подозревают в ее убийстве? На том основании, что Карина спала с ним у него дома? Нет, лучше назад в камеру.

В камеру? Знать бы еще, как он из нее вышел! А может, это ребята подсустились? Лешка с Игорем? Нет, тогда бы они его и встретили. И уж точно сюда бы не привезли.

– Так ты совсем ничего не помнишь? – спросила Илса, нарушив затянувшееся молчание.

– Мне нужно позвонить, – сказал он. – Игорю или Лешке. Может, они что-нибудь слышали. Девушка кивнула:

– Хорошо, я сейчас принесу телефон. Я проверяла, шнур достает.

Номер Алексея не отвечал. И в этом Олегу повезло – телефон друга уже был поставлен на прослушивание. Взрывы домов, расчлененка, разгром отделение милиции и массовый побег, во время которого было убито несколько милиционеров, – это ли не повод для того, чтобы ФСБ взяло под пристальный контроль всех, кто имел хоть какое-то отношение к Чернову. То, что адреса Илсы и ее номера телефона не оказалось в списках, объяснялось просто – она и ее мать только недавно вернулись в Москву, и об их знакомстве с Олегом еще никто не знал. Когда позвонил Олег, Алексей Тарасов был на допросе, Вера ушла на работу, дома никого не было.

Не дозвонившись до Лешки, Олег набрал рабочий телефон Игоря. Нефтяная компания, в которой тот работал, находилась под высокой «крышей», и без особого разрешения прослушивать рабочее место Смолы не стали – с этим Олегу тоже повезло.

– Слушаю вас! – Смоленский всегда так отвечал на звонки.

– Здравствуй, Игорь.

– Олег?! – По голосу чувствовалось, то Игорь не ждал его звонка.

– Что, удивлен? – спросил Чернов. Что-то в голосе Игоря ему не понравилось.

– Ну еще бы! – закричал Игорь. – Про тебя здесь такое говорят! Лешка сейчас у них на допросе. Меня, наверное, тоже вот-вот вызовут. Верке уже звонили, просили прийти.

– У кого у них?

– Ну, у этих! Что, сам не понимаешь?

– Игорь, кончай, толком скажи, мне не до загадок, – сердито проговорил Олег.

– Да я точно не знаю. – В голосе Игоря звучала растерянность. – Может в прокуратуру, а может в ФСБ!

– Что? ФСБ? – оторопело переспросил Олег. – Ты в своем уме? Они – то тут причем? Ты еще ГРУ вспомни! Или СВР!

– Я не знаю, но думаю, когда громят отделение милиции и с особой жестокостью убивают сотрудников, то это вполне в их компетенции, – сказал Игорь. Чувствовалось, что он напуган. – Понимаешь теперь, при чем здесь они?

Олега охватило странное ощущение, будто он бредет в зыбком тумане. Налет на милицию? Какой налет, какая милиция? О чем идет речь? И какое отношение это имеет к нему?

– Игорь, подожди! Ты можешь говорить проще? Это я, твой друг Чернов. Я о своих делах спрашиваю. К чему здесь все, что ты наговорил? – Олег вконец растерялся. Он ничего не мог понять. Игорь что, с ума сошел? Или, может, выпил? Или просто разыгрывает? Бред какой-то!

– Говорить проще? – Игорь был сердит и обижен. – Да ты телевизор включи, там весь день про тебя говорят. Про тебя, про Карину. Говорят, при нападении на отделение милиции было использовано то же оружие, что и при ее убийстве! Теперь я ясно выразился?

– Подожди, какое нападение?! Ты что, пьян? – вспыхнул Олег. – Нет, извини, я не хотел... Прости, у меня полный сумбур в голове. Игорь, я тебя прошу, расскажи все подробно!

– Сначала скажи, что произошло с Кариной? – потребовал Смоленский. – Ты спал с ней?

– Да! Но она, – Чернов посмотрел на застывшую в кресле Илсу. Их глаза встретились. И Чернов увидел в них столько терпеливого ожидания, когда же он наконец все ей объяснит, столько предчувствия беды, что смешался и не стал продолжать дальше.

– Я не делал того, что мне приписывают, – сказал он больше ей, чем Игорю.

– Олежек, ты, что дурак? Уж в этом мы на минуту не сомневаемся, – откликнулся Игорь. – Вчера, когда Лешка рассказал, что тобой интересовались из милиции, мы оба решили поехать и разобраться, в чем тебя обвиняют. К тебе нас не пустили, но удалось выяснить, что они тебе инкриминируют. Ну, в общем, мы им не поверили, но шансов вытащить тебя под подписку не было. Решили, что с утра займемся поисками адвоката. А ночью, почти утром менты приехали к Тарасу домой, искали тебя. Спрашивали, к кому еще ты мог поехать, но ни Лешка, ни Вера не сказали ничего. Даже обо мне промолчали, хотя вполне могли, я же не при делах... Ой, Олег, не подумай ничего такого, я просто не так выразился. Короче, Тараса вызвали на утро! Думаю, что скоро за мной приедут, поэтому не спрашиваю, откуда ты звонишь.

– Игорь, клянусь, я не делал этого! Ну, в чем меня... – Чернова снова охватило чувство нереальности происходящего, он будто бы оказался в одном длинном нескончаемом кошмаре. – А что ты говорил про отделение милиции?

– Олег, а как ты оказался на свободе? – вопросом на вопрос ответил Смоленский. – Я не спрашиваю подробностей, ни спрашиваю как, просто одной фразой, скажи. Бежал, отпустили, откупился...

– Чем? У меня денег-то, не было. Все, что оставалось менты забрали. – Чернову вспомнились радостные рожи милиционеров, когда они выворачивали его карманы. – Все, что заработал с твоей помощью, менты забрали. Нет, если бы удалось откупиться, я бы был только рад, но я ничего не помню. Знаешь, после допросов я...

Олег бросил взгляд на Илсу. Хотя он понимал, что девушка наверняка видела на нем следы побоев, признаваться в том, что его били, не хотелось. Как это унижительно...

– Короче, я в камеру попал в таком состоянии, что толком не помню, что дальше было, – сказал он. – Даже как к... сюда, откуда звоню тебе, как попал, не помню.

– Олег, дружище, то, что ты говоришь, еще больше ухудшает твоё положение, – с испугом проговорил Игорь. – Там милиционеров перебили. И так же, как Карину. Тем же способом. Порубили на куски! Последним Карину видел ты. Чтобы так разрубить, нужно иметь силу и оружие, все это у тебя есть. И в обоих случаях ты замешан...

– Слушай, ты кому это городишь? – вспыхнул Чернов. – Я же говорю тебе – я не делал этого! Ни ее, ни ментов я не убивал! Но раз ты считаешь...

– Я, Тарас и Вера, может быть, единственные, кто тебе верит, – с обидой в голосе ответил Смоленский. – Я лишь повторяю тебе версию следов! Весь день телевидение говорит о том, что... Вот черт! Олег, быстро говори, что я могу сделать для тебя, кажется, приехали за мной! Внизу две «волги» остановились!

– За тобой? – Чернов посмотрел на Илсу. Не хватало еще и ее подставить. – Слушай, ничего не бойся, у тебя все равно! У них на тебя все равно ничего нет, допросят и отпустят. Это им активность нужно проявить, после всего, что случилось, но тебе они ничего предъявить не могут. Понимаешь?

– Да, точно, голос Смолы стал бодрее. – А я еще адвоката подключу...

– Игореха, мне нужна твоя помощь. – Перебил Чернов словоизлияния друга. – Сходи, пожалуйста, ко мне домой, ключи ты знаешь где. Знаешь же, да?

– Нет, не помню, подскажи.

– У соседей, дверь справа от моей. Они тебя знают, отдадут! В квартиру не заходи, менты могут тебе потом проблемы создать. Сходи в гараж, там за ящиком, ну, да ты знаешь, я тебе показывал.

– Да, помню, помню, говори быстрее, скоро они будут здесь.

– Там у меня чекан спрятан. Это такой инструмент, смесь топорика и кирки, только наконец другой. Отдай его Иванычу, я у него брал, неудобно будет, если менты заберут. Решат, что это оружие, он очень похож, хотя это натуральный инструмент ремесленника. Чеканщика. Но при случае он может и оружием послужить. короче, надо его отдать Иванычу. Выручи, не поленись.

– Да ты о чем говоришь! – обиделся Смоленский. – Сегодня же все и сделаю. Еще что нужно, говори быстрее, они вот-вот поднимутся.

Олег замаялся. Ему было неудобно, но ситуация была не такая, чтобы миндальничать.

– Мне нужно уходить отсюда, – сказал он в трубку. – Игорь, у тебя есть деньги? Свободные.

– Не поверишь, но не дам. При себе нет, да и следят за мной наверняка. Любой съём со счета тоже вызовет подозрения. Сделаем вот что, записывай телефон. – Смоленский продиктовал номер. – Это Жак. Скажешь, что от меня, он даст, я его предупрежу. Меня не ищи, наверняка прослушку установят. Связь будем держать через того же Жака. Все, держись и помни – мы в тебя верим...

В трубке раздались короткие гудки. Чернов медленно положил трубку. Ему ужасно не хотелось поднимать голову и встречаться глазами с девушкой.

– Олег, что все это значит? – спросила Илса. – Тебя обвиняют в убийстве?

– Илса, я не убивал, – севшим голосом произнес Олег. – Я не знаю, каким образом оказался здесь, у тебя, но понимаю, что не должен был приходить сюда! Я сейчас уйду.

– Никуда ты не уйдешь! – не громко, но твердо ответила Илса. – Это же самоубийство. В таком состоянии я тебя не отпущу. Но в то же время, я думаю, имею право знать, что все-таки происходит. И с чем нам придется столкнуться.

– Нет, я должен идти. – Олег приподнялся и, почувствовав приступ головокружения, замер.

– Прекрати говорить глупости. А тем более делать. Судя по тому, что происходит, ты их и так уже наделал немало! – Произнося эти слова, Илса внимательно следила за выраже-

нием его лица. – Хорошо бы некоторым людям, которые никак не могут расстаться с детством, понять, наконец, что жизнь не имеет ничего общего с книжной романтикой. Это жизнь, здесь все иначе!

Чернов ее почти не слышал, стараясь преодолеть приступ слабости. Наконец ему удалось сесть. Временная глухота лишь помогла ему сосредоточиться на внутренних ощущениях. Каким-то чудом удержав равновесие, он замер, собираясь с силами. Предстояло самое трудное – встать.

– ... Ну что за глупое упрямство! – донеслось до него. Он что, ничего не слышал? Опять потерял сознание? Нет, это никуда не годится. Он обязан встать.

– Нет, ты только посмотри на себя. На тебе же лица нет. Вот упрямый!

У девушки сжалось сердце, от жалости или, может, от чего-то другого, она не знала. Не до размышлений сейчас, нужно заставить его лечь, он же совсем без сил!

Илса, укоризненно качая головой, подошла поближе.

Олег сидел бледный, с закрытыми глазами. По его лицу струился пот. Надо же быть таким упрямым! Неужели не понимает, что не сможет и шагу ступить? Да и одежда... Он, наверное, еще не понял, что лежит совсем голый. Илсе и ее маме пришлось стащить с него всю одежду. Она была вся в крови, от нее так разлило камерным запахом, что пришлось сразу засунуть в стиральную машину.

Чернов сидел и решал – готов ли он к решающему подходу или нет? Накопил силы или торопится? Один раз он уже переоценил свои силы. Тогда все кончилось плохо, он получил компрессионный сдвиг позвонков. Это было на республиканских соревнованиях. Друзья уговорили выступить на областных по тяжелой атлетике, сколько бы они ни говорил, что никогда штангу не таскал, слышать не хотели. Говорили и не нужно ее поднимать, ты только выйди, обозначь подход и уходи. Главное, что был участник, а победа не важна. Как же не важна, Чернов ни разу так не делал. Раз вышел, нужно попробовать, вдруг поднимет. Тем более. что на тренировках, хоть и меньший вес, но поднимал. Самонадеянность, граничащая с глупостью. Коварный снаряд мгновенно и жестоко наказал за пренебрежение.

С тех пор прошло много времени. Теперь Чернов признавал только турник, отжимание и плавание. Да еще бег. Эти упражнения помогли закачать мышцы спины и возвратиться к нормальной жизни, но урок запомнился надолго.

Сейчас предстояло получить второй.

* * *

– Юрий Иванович, посмотрите, пожалуйста! – Нина Суркова, улучив момент, подошла к преподавателю. – Вы нам говорили, чтобы приносили все, что нам покажется интересным в области психологии. Вот это мне показалось очень интересным.

Герасимчук удивленно посмотрел на студентку. Верно, он такое говорил! Но неужели есть еще люди, которые верят всему, что им говоришь?

– Ну что ж, давай посмотрим, – бодро ответил Юрий Иванович. Он рассчитывал быстро избавиться от не в меру активной студентки.

Нина протянула изображения Демона и ягуарочеловека. Вика советовала взять еще и ослиноголового, но Суркова не захотела. Оставив оригиналы у подружки – отец все равно не заметит пропажи трех картинок, – Нина решила посмотреть, как преподаватель отреагирует на копии.

Первым лежал ягуарочеловек. Юрий Иванович долго всматривался в изображение. Тяжелый внимательный взгляд, вытянутая голова, венчающая вершину треугольника из мышц шеи, переходящих в мощные плечи. Длинные сильные руки...

– Интересно, – пробормотал Герасимчук. – Очень интересно.

– Вам нравится? – Нина замерла, с любопытством ожидая, что он еще скажет.

– Нет, это восхитительно! Это... это так прекрасно! – Голос преподавателя повысился почти до крика. – Просто великолепно! Поздравляю, Суркова, ты нашла такое, чего я никогда не видел! Каков зверь, а? Просто фантастика! А кто же автор?

Вчера Нина при копировании предусмотрительно убрала подпись автора. Ей не хотелось, чтобы стало известно, что ее отец приносил вещдоки домой. Но и скрывать, что автор маньяк, тоже не хотелось, поэтому, ответив заготовленной загодя отговоркой, что, мол, взяла у подруги, она перевела разговор в нужное ей русло.

– Подружка сказала, что это рисовал известный маньяк, – выпалила она. – Она стащила это из Интернета.

– Жаль, мне очень хотелось бы посмотреть оригинал, – в раздумье проговорил Герасимчук, – Вот если бы...

Юрий Иванович замер. В его руке был Демон. Долго, бесконечно долго он всматривался в изображение. У Нины даже пересохло во рту, от напряжения зашумело в голове, а преподаватель все не мог насмотреться. Наконец Герасимчук оторвал взгляд от листа и, вскинув голову, посмотрел на студентку. Их глаза встретились.

– Что это? – спросил он, явно не ожидая ответа. – Я такие работы... Никто таких раньше не делал. Талант, несомненный талант.

– Да? – Нина была озадачена реакцией преподавателя. Вместо трезвого разбора – щенячий восторг. – Так этот художник маньяк?

– Маньяк? – удивился Юрий Иванович. – Да нет, что ты! Талант, гений, что угодно, но только не маньяк. Врет твой Интернет.

* * *

Инна, прижимая пакет с рисунками к груди, протиснулась к выходу из метро. Вот уже второй год она ездила к своему спасителю, или, как у них было принято говорить, – Наставнику. С Соколовым, известным в Москве экстрасенсом, Инна познакомилась два года назад. И не по своей воле. Когда в Москве вдруг стало считаться хорошим тоном ходить по воскресеньям в церковь, Инна и Виктор, оба воспитанные в духе коммунистических идей, не поддались новой моде. Как и большинство современников, в учения марксизма-ленинизма они давно не верили, но и до Бога не дошли.

Зато псевдонаучные бредни модных целителей бездетной Инне пришлись по вкусу. Конечно, чем заниматься длительным и нелегким лечением, гораздо проще поверить в чудотворные сеансы псевдолекаря. Ну, посидишь перед телевизором, посмотришь на операции без наркоза, послушаешь счет до десяти и обратно, и все, выходи строиться, все болячки к соседям убежали. Да вот беда, не помог телекудесник. Главное, что беспокоило семью Порывайко, осталось; детей так и не было. Может, будь Витя поусерднее, все разрешилось бы и без шарлатанов, но, что поделаешь, работа есть работа, ее он любил больше. Вот и пришлось семье Порывайко довериться телезнахарю.

Впрочем, не бездетность заставила их обратиться к Соколову. К тому времени, когда судьба свела с Наставником, Порывайко уже успели поумнеть и разочароваться в тех, кому недавно так верили. Но с Инной приключилась новая беда! Надумал как-то один известный пародист пошутить, представить народу телекудесника в смешном виде. И настолько удачно он это сделал, что Инну, сидящую перед телевизором, вдруг затрясло, закачало, да так, что и при настоящем гипнолизере не пробивало. А так как артист что-то в действиях оригинала уловил хорошо, а что-то плохо, то и случилось так, как должно было случиться. Войти Инна в транс смогла, а выйти никак! Всю ночь ее раскачивало, лишь к утру она свалилась без сил. Но это было не все. Через полчаса она вскочила и вновь стала соревноваться с маятником.

Перепуганный Виктор бросился искать телекудесника, да вот незадача – уехал тот на гастроль в соседнюю, бывшую некогда дружественной, страну. И когда вернется, неизвестно.

Так и докачалась бы Инна до могилы, да помог один знакомый, присоветовал обратиться к Соколову. Андрей Георгиевич не заставил себя долго упрашивать. Он давно возмущался тем, что шарлатанов допускают на телевидение, потому что после таких сеансов ему уже не раз приходилось подчищать за недобросовестными бизнесменами от тонкой науки гипноза. Проведя коррекцию психики Инны, Соколов как-то вскользь заметил, что ей неплохо было бы научиться защищаться, мало ли кто может повторить опыт комика? И с тех пор Инна два раза в неделю приезжала в его школу на Тимирязева.

Занятия ее не тяготили, они проходили в непринужденной обстановке и скоро превратились в нечто необходимое для душевного спокойствия прекрасной половины семьи Порывайко. Виктор поначалу даже начал ревновать, к увлечению супруги, но быстро убедившись в обоснованности своих подозрений, успокоился. Тем более что и Инна изменилась, стала спокойнее, ласковее, а главное, перестала устраивать сцены за позднее возвращение мужа домой, за частые дежурства и за его склонность снимать накопившийся стресс парой рюмок кристалловской.

Правда, Инна не скрывала, что предпочла бы сама снять Виктору стресс своим методом, женским, но, видя, как тот устает, смирилась и не настаивала. И вообще, после появления в их жизни Соколова семейная жизнь если и не улучшилась, то явно стала спокойнее, прочнее и надежнее.

Рисунки маньяка Наставнику Инна показала не сразу. Как было принято в школе, вначале она вместе с другими учениками проделала комплекс расслабляющих упражнений и лишь после этого, во время традиционного индивидуального собеседования, нарушила заведенный порядок, извинившись, что прерывает учителя, достала пакет и откровенно рассказала, как на нее влияет то, что в нем находится.

Светловолосый Андрей Георгиевич выглядел удивительно молодо для своих лет. Много повидавшие, темные, почти черные, умные глаза, обрамленные множеством морщинок, конечно, выдавали его возраст, но в остальном худощавого семидесятилетнего Соколова вполне можно было принять за крепкого сорокалетнего мужчину. Осанка, мускулатура, кожа – все это словно не знало старения. Живой, бодрый, всегда в хорошем расположении духа, он являл собой пример того, как нужно относиться к жизни.

– Откуда у тебя это? – Наставник с интересом смотрел на свою ученицу, а его палец указывал на принесенный ею пакет. Он так и не открыл его.

Инна пояснила. Конечно, она сказала не всю правду. Вернее, только ту часть правды, которую заготовила заранее, пока ехала в метро. Но разве она могла предать мужа?

– Это все, что ты хотела мне сказать? – спросил Наставник. В голосе его послышался металл, Инна испуганно подняла взгляд. – Может, ты что-то недоговариваешь?

Инна вздрогнула. Внимательный взгляд серых глаз проникал прямо в душу. Женщина поняла, что Соколов ей не поверил. Нужно было срочно искать выход из положения. Человек он влиятельный и, узнав правду, может причинить много неприятностей Виктору.

– Андрей Георгиевич, вы приглядитесь, тут же нет ничего скабрёзного, – вдруг выпалила она. Почему ей пришла в голову эта фраза, Инна сама не понимала. Соскочила с языка, и все. – Если это не так, я немедленно верну эти...

Наставник, не слушая ее лепет, подцепил ногтем пленку, откинул клапан и перевернул папку. Рисунки выпали так, что сверху оказался львиноголовый. У Инны защемило сердце. Нет, ну какой красавец! Внизу живота стало томительно горячо. Инна покраснела. Боже, только бы Андрей Георгиевич не почувствовал, что с ней происходит. Стыд какой! А ведь чувствует, в этом можно не сомневаться.

Так и случилось. На мгновение оторвав взгляд от картинки, седовласый Наставник бросил на Инну осуждающий взгляд и перевернул листок. Женщина даже не стала смотреть, что там будет. Бог с ней, с картинкой, ей было страшно за себя.

А Андрей Георгиевич, долго не задерживаясь на кабане с мужским телом, посмотрел третий, последний рисунок. Небрежно отбросил. Такой реакции Инна от Наставника не ожидала.

– А где еще? – вдруг спросил он. – Остальные где?

– Что? – удивленно спросила Инна. Черт, откуда он знает про другие рисунки? Инна была на грани паники.

– Еще где картины Реставратора? – строго, даже несколько мрачно спросил Андрей Георгиевич. Он был настроен решительно. – Это же не все рисунки.

– Я-я не знаю, – испуганно проблеяла Инна. – Витя принес только эти.

– Кто автор? Кто рисовал? – продолжал допрос Соколов.

– Я не... не знаю. Витя вчера говорил, что маньяк какой-то. Фамилия Чернов, вот его подпись на картинках. А еще о нем в новостях показывали, страшный такой! – затараторила Инна, прикладывая руку к щеке. – Он убийца, но рисует разные картинки! Он женщину изнасиловал и убил. У него нашли эти бумажки! Вот я вам их и принесла.

– Да что рисунки, не в них проблема! Нужно искать самого автора этих рисунков. Его необходимо найти немедленно, сейчас же. Иначе беда будет, упустим парня. Потеряем еще один талант. А картинки? Не ко времени они сейчас! – хмуро глядя перед собой, проговорил Наставник. Собрав листки с рисунками, Соколов собрал их в папку, в руки Инне. – В церковь парня нужно, в монастырь. И учить, учить! А пока ему рисовать нельзя. Пока. Где, ты говоришь, художник этот?

– Художник? Какой... А-а маньяк? В камере, – смиренно ответила Инна. Ей даже в голову не пришло напомнить, что несколько минут назад она уже об этом говорила. Хорошо хоть, что Наставник уже не требует остальные картинки. – Муж арестовал этого убийцу...

– Да не арестовывать его надо, а спасти! Не маньяк это! Дураки слепые, неужели не видите, что беду своими руками, своей дурью на Землю несете. Дилетанты, господа, кругом одни дилетанты. Всезнайки, еще глаза открывать не научились, а уже ярлыки на все навесили. Как же вы мне, дураки, надоели! Господа, да что за существа такие эти люди? Азбуки не изучив, писателями себя считают! Не понимая сути вещей, клеймо ставите! – вдруг закричал Андрей Георгиевич. Это настолько не вязалось с его привычным обликом, что Инна чуть не забилась в истерике. Соколов за все время их знакомства еще ни разу не повышал голоса. – За что парня в камеру бросили? Не разобравшись толком, правды не узнав! Это не его, а твоего мужа – дурака в тюрьму нужно!

Инна опешила. Почему это ее Виктора в тюрьму? Что он о себе возомнил, этот Соколов? Он кто такой, ее мужа арестовывать? Докторишка несчастный!

– Это вас пора в камеру! – со злостью выкрикнула она. – За незаконное предпринимательство! И за то, что занимаетесь лечением без лицензии! Шарлатанов поразвелось, плюнуть не в кого!

С вызовом крутанувшись на каблуках, Инна направилась к выходу.

– Еще посмотрим, кто первый на нарах окажется, – бросила она от дверей.

Глава 8

Игорь подъехал к дому, в котором жил Олег, ни от кого не таясь. Следовательно, напыщенному молодому щеглу, строящего из себя бог знает что, он заявил, что не доверяет ему, усматривает в его действиях открыто обвинительный уклон и предпримет собственное расследование. И пусть Порывайко имеет в виду, что он будет проверять, в рамках закона, конечно, все действия его самого и его оперативников.

Игорь улыбнулся, вспомнив, какая физиономия была у следователя, когда он это услышал. Козел, ему бы только все на Олега повесить, а виноват Чернов или нет, он даже задуматься не хочет! Зато после своего заявления у Игоря появился легендированный повод открыто посещать соседей Олега. Правда, придется позвонить и в другие двери, не стоит облегчать работу оперативникам. Пусть бегают, опрашиваю всех подряд, что и у кого спрашивал неугомонный Смоленский. Пока они определяют, какова истинная цель всех этих визитов, пока узнают про гараж, пока найдут этот самый гараж, пройдет столько времени, что глядишь отыщется настоящий маньяк и дело Чернова закроется.

На отвлекающие Игорь затратил минут сорок. Потом он демонстративно вышел из подъезда, раздраженно пнул колесо своей подержанной, хотя и резвой «хонды аккорд» и, громко хлопнув дверью, направил ее в сторону торгового центра. Там, в вечерней сутолоке, менты его наверняка потеряют, значит будут ждать его у машины. Это хорошо, чем зря время терять, пусть хоть его машину охраняют.

Войдя в центр, Смоленский потолкался среди покупателей, зашел в кафе, где выпил чашку кофе и заел пончиком. Просто не мог отказать себе в этом удовольствии. Кофе и пончик – две самые любимые вещи Игоря, пусть так себе и запишут те, кто за ним наблюдает!

Из кафе Смоленский направился в отдел, где продавались дешевые китайские куртки-аляски. Примерил одну, другую. Давно собирался такую купить, большая, просторная, под ней можно дюжину пива припрятать, и никто не заметит. Вот как раз и повод появился приобрести.

– Упакуйте мне вот эту, черную, – не глядя ни на кого, попросил Игорь. Заметив на прилавке большой пластиковый пакет, ткнул пальцем: – Вот в него, пожалуйста.

Продавщица, занятая другим покупателем, оглянулась. К приятному удивлению Смоленского, она оказалась молодой и довольно миловидной брюнеткой. Девушка прошла к кассе, что дало возможность Игорю, как истинному ценителю, отметить, что и с этой стороны сотрудница магазина выглядит впечатляюще.

«Ух ты, какая фигурка! – машинально отметил он про себя. – Как же это она с такими данными работает в этой шараге?»

Игорь отсчитывал деньги, а сам отчаянно косил глаза на ножки, что так соблазнительно выглядывали из-за стола с аппаратом.

– Скажите, а не могли бы вы мне помочь в одном маленьком, но важном деле? Мне мой водитель сказал, что будет ждать меня возле служебного выхода, а где он, я не знаю. – В голосе Игоря звучали просительные, даже робкие нотки, а глаза смотрели на девушку с нескрываемым восхищением. Она непременно должна это заметить! «Ну посмотри, какой перед тобой обаятельный парень», – мысленно приказал он девушке. – Вы не подскажете, как туда пройти? – спросил он вслух.

– Ну, вообще-то у нас это не практикуется, – девушка лукаво улыбнулась. В ее больших каре-зеленых глазах плясали искорки. – Да ладно, все равно здесь настоящий проходной двор, столько фирм, столько людей. Вон видите, возле сорок шестого номера есть проход? Вот туда и идите. Спросят куда, скажите, что на склад за товаром! И заходите почаще!

– К вам – всегда! – весело ответил Смоленский. – Вас как зовут? Меня Игорь.

– А меня Катя, – сказала продавщица и снова улыбнулась. Смоленский успел отметить ослепительно белые ровные зубы. – Да вы все равно не запомните!

– Спорим, запомню! Вот увидите!

Повернув там, где показала Катя, Игорь быстро пошел по длинному коридору. Там действительно было столько людей, что на него никто не обращал внимания. Игорь, не останавливаясь, вытащил из пакета новую куртку, оторвал от нее ярлык и ценник и надел прямо поверх кожаной, что была на нем. Достав затем черную вязаную шапочку с надписью «Sky», Игорь натянул ее на самые глаза и резко присел, будто бы завязывая шнурки на ботинках, а на самом деле внимательно глядя, что творится позади него.

Ничего подозрительного вроде бы не было. Игорь выпрямился и повернул назад, в зал торгового центра. Скорым шагом он пересек его так, чтобы не проходить мимо Кати, и вышел на улицу совсем не с той стороны, где стояла его «хонда».

Пусть она еще постоит, у него пока другие планы. Игорь остановил частника и попросил отвезти его к гаражному кооперативу. Он знал, где находится гараж Олега – в центре третьего ряда. Частник подвез его прямо к нему. Дежурный охранник знал Игоря и пропустил их с условием, что, высадив пассажира, водитель тут же уедет. Игоря это вполне устраивало. Трасса, у которой располагался гаражный кооператив, была весьма оживленной, найти того, кто отвезет его назад, – не проблема.

Вначале пришлось повозиться со светом – перегорела лампочка, а копаться в темноте не хотелось. Тем более пользоваться спичками в чужом гараже. Поди знай, что здесь находится. Пока Игорь искал запасную лампочку, времени прошло немало. Хотя куда теперь торопиться, сегодня менты уж точно сюда не нагрянут.

Чекан тоже пришлось поискать. А когда Игорь его нашел, то даже опешил. Вот это штука! Короткая, на вид сантиметров семьдесят, не более, рукоять, на конце которой четко сбалансированная головка из темного, тяжелого металла. На первый взгляд чекан действительно походил на небольшую кирку. Только одна ее сторона представляла собой расклеванный топорик, а другая – клювообразное четырехгранное острие из каленого металла.

Странная штука, сжав рукоять Игорь несколько раз махнул вправо и влево. Забавная штука, непонятно, что это за инструмент такой и где он применяется? Вот в виде оружия, его представить оружием, легко. Интересно, в каком ремесле она используется? Точнее, он, ведь Чернов назвал это чеканом, значит, он мужского рода?

Однако Олег четко сказал: «Его могут принять за оружие». Значит, все-таки это инструмент ремесленника? Ну да ладно, бог с ним, главное этим чеканом никто не убит, иначе бы Олег не стал его посыпать за ним и подвергать опасности оказаться соучастником чего-то незаконного.

Смоленский неожиданно вздрогнул. Что это?

Игорь резко обернулся, нет показалось. На миг ему почудилось, что он в гараже не один, но нет, кроме него в помещении никого не было. А может это ветер качнул створку или сосед слишком сильно хлопнул створкой ворот. Всякое может быть, говорят в гаражах даже крысы водятся.

При мысли о крысах, в глазах возник образ отвратительного грязного животного с противным голым хвостом! Не контролируя эмоции, Игорь быстро посмотрел под ноги. К счастью, там никого не было.

Смоленский шумно перевел дух. Черт, что он себе возомнил? Откуда в гараже Олежки взялись крысам? Эти мерзкие грызуны обитают там, где есть еда, в гараже Чернова, наверное, даже пауки не водятся!

Зябко пожившись, Смоленский огляделся еще раз. Ну нет же никого, что он себе возомнил? Что с ним такое происходит, чего он так нервничает? Он же не делает ничего противозаконного, ни менты, никто другой ему ничего предъявить не могут, отчего же так тревожно

на душе? Он молодой, крепкий тренированный мужчина, в руке у него чекан, он вполне может постоять за себя!

И все же ощущение чужого присутствия не уходило. Что за чертовщина? Что с ним? Страх? Холод? Или он что-то услышал, но только не осознал, что это было? Черт побери, Олег, да что вокруг тебя такое творится, если даже в пустом гараже страх прошибает?

Игорь зябко поежился – поздняя весна, называется! Сунув чекан под куртку, направился к выходу. Выключив свет, он прикрыл дверь и повернулся, чтобы закрыть замок. Одной рукой придерживать тяжелую створку и поворачивать ключ было неудобно – пришлось сжавшись, прижаться к воротам всем телом. И это спасло ему жизнь. Что-то огромное просвистело у Игоря над головой и с силой врезалось в дощатую створку. От нее в разные стороны полетели щепки.

Игорь, разворачиваясь, выхватил чекан и ударил в темноту. Бил он не прицельно, да и как могло быть иначе? Цели он не видел, да и не собирался попадать. Скорее, он даже не бил, а непроизвольно, рефлекторно отмахивался. Как, в момент полнейшей паники человек машет рукой перед собой, так и Игорь, даже еще не видя, кто перед ним, выбросил вперед руку, с зажатым в нем чеканом.

Но, что самое странное, удар оказался точен. Еще не понимая, что происходит, Игорь почувствовал, что оружие во что-то или в кого-то врезалось. Как нарочно, чекан оказался повернут к противнику лезвием топорика, это Смоленский понял по резкому звуку, что бывает, когда лезвие ножа бьет по чему-то не очень твердому. Что-то типа висящей ткани – штора, занавеска... А может, это плащ?

Со стороны нападавшего раздалось бульканье и хрип, затем странный хлопок... и все стихло. Наступила полная тишина, нарушаемая лишь шумом проезжающих в отдалении машин.

Игорь похолодел. Неужели убил? Он убил человека? Но этого же просто не может быть! Нет, это не с ним происходит! Это не он! Господи, ну скажи же, что это не так! Скажи, что все это просто почудилось!

Игоря трясло как в лихорадке. Как это обычно бывает, нервная реакция наступила, когда уже все кончилось и непосредственной угрозы больше не существовало. Стуча зубами, Игорь искал, чем бы посветить, чтобы увидеть своего противника. Вернее, его тело, точнее убедиться в его отсутствии. Вдруг это чья-то глупая шутка, вдруг он зацепил не человека, а... да бог его знает, что! Вдруг это все подстроили глупые соседи Олега по гаражу? Захотели разыграть Чернова, подсунули ему чучело... или вот куклу надувную! Хотя какие шутки, у Олега гаража, наверное, половина ворот разнесена.

Игорь хотел было вернуться в гараж и включить свет, но раздумал. На свет мог прийти кто-нибудь из задержавшихся в гаражах автовладельцев, а лишние свидетели были Игорю ни к чему. Нет, его здесь видеть не должны! Он ничем с этим местом не связан, если уйти потихому, то никто и никогда в его сторону даже не посмотрит. Пусть гадают потом, кто совершил убийство. Мало ли кто мог здесь быть лишь бы на Олега не подумали! Нет-нет, такого он не допустит! Если начнут переводить стрелки на Чернова, Игорь сам обеспечит ему алиби! ВА, что, заявит, что они были вместе... скажем у Смоленского дома и были! И все, пусть ищут кого-нибудь другого! Лжесвидетельство? Да, но этом не будет ничего плохого, ведь кто лучше его, Игоря, знает, что Чернов в этом деле ни причем?

Не выпуская чекана из рук, Игорь присел на корточки и стал водить им перед собой. Он ждал, что вот-вот наткнется на того, кто упал здесь после его удара, но чекан, не встречая сопротивления, резал воздух. Игорь поводил чеканом еще раз, пониже. С тем же результатом. Еще не веря в свое счастье, он стал водить злосчастным орудием прямо по земле, но и тут, кроме пыли, ничего не нашел.

Игорь сделал шаг вперед и вновь повторил свои манипуляции. На земле у гаражей ничего и никого не было!

* * *

Вован довольно огляделся. Хорошо все же на воле! Сидеть в кабаке, контролируемом его бригадой, вокруг свои пацаны, и ни единого мусора рядом. Даже не верится, что еще менее суток назад он парился в душевой камере и даже не надеялся выйти на волю. Нет, конечно, адвокат суетился, свидетели нужные показания уже дали, но до освобождения под подписку дело не доходило. Следак уперся, и все. А прокурор, конечно, сделает все, как тот попросит. Уже и бабки заносили, и через нужных людей давили – ничего не помогало. А вот на тебе, там, где доллары не помогли, пособил случай. Да еще какой – расскажешь кому, хрен поверит! Как будто добрый волшебник прилетел и двери открыл. Точнее, выбил. Братва сначала даже не поверила им с Вареником. Да и кто ж поверит, что всю мусорню кто-то в капусту порубил, а героя никто и в глаза не видел? Хорошо хоть по телевизору показали про бойню в изоляторе, не то пацаны могли и плохое подумать. И неудивительно, Вован сам в такое не поверил, расскажи кто-нибудь похожее на вчерашний погром.

– Ну и счастливчик же ты! – Кот протянул рюмку и со звоном ударил ею о рюмку бригадира. – Выпьем за твою удачу, за твоё везение! Теперь мы можем говорить, что наш Вован самый фартовый в столице. Пусть один хвалится бабками, пусть другой барыгу мощного застрёмал, но вот так уйти из неволи? Как ни крути, а ни у кого такого не было.

– Точно! – поддержал Кота сидящий сразу за ним Никита. – Даже после того как по телевизору дикторша лопухая пропела про ваш кичман, все равно в башке не укладывается. Люди сидят по хатам, парятся, о воле мечтают, а тут приходит Зорро Черный плащ и всех мусоров пускает в расход. Нет, это даже не Зорро, это Терминатор, в натуре.

– Во блин! А я все думаю, где я про это слышал? – с готовностью подхватил Вареник. Привязавшись в камере к жесткому, но правильному авторитету, он решил принять приглашение и войти в бригаду Вована. Теперь он изо всех сил пытался скорее стать своим среди этих правильных пацанов. – А это в кино со Шварцем было! Как же это я забыл? Все думал, думал... Уже стало казаться, что это и на самом деле было.

Слова нового члена коллектива вызвали бурный смех.

– Ну дает! Вспоминает он! А ты, часом, сам не Терминатор? Небось Шварц у тебя в дубле ходил?

– Во-во, Арни рядом с тобой делать нечего!

– Не, братва, не нужно смеяться над человеком! Вареник в натуре в том кино играл. Вместо Шварца, когда от него только скелет обгоревший остался.

Последние слова Никиты вызвали новый взрыв смеха. У некоторых даже слезы на глазах выступили. А Кот, так тот вообще съехал со стула и упал на колени.

– Ну все, братуха, был ты Вареником, станешь Терминатором, – задыхаясь от смеха, проговорил бригадир. – Усохшим!

– Нет, лучше Шварцереник! – заржал Кот, – Или Варминатор!

Вареник растерянно огляделся. Ему было обидно, что никто не принимает его слова всерьез. Так можно превратиться в постоянного клоуна. Нужно было срочно менять тему, переводить разговор на другое.

– А знаете, братва, – закричал он, перекрывая шум, – парень, что с нами сидел, он покруче вашего Арнольда будет!

Эти слова потонули в хохоте.

– Во дает! Покруче Шварца? – ржал Кот, корчась на полу. – Это кто ж такой будет? Не Динамит, часом, его Русским Терминатором иногда погоняют! Тот, что по телику грелки рвет, ты о нем? Ну, Вареник, ну, бля, ты шутник!

– Вован, ну скажи ты им! – взмолился объект насмешек. Он уже чуть не плакал. – Ты же сам видел! Тот, что весь поломанный был. Он же, в натуре, здоровый, как шкаф!

Вареник, злой и насуспенный, дернулся, чтобы встать и уйти, но бригадир удержал его за рукав и усадил на место.

– Видел, видел, успокойся, – сдерживая смех, подтвердил он. Вовану вовсе не хотелось терять нового бойца. – Ну дай ребятам покуражиться! Пусть смеются на здоровье!

– Слышь, Вован, а это не тот, Терминатор... Нет, Вареник, это я не про тебя. Я про того спрашиваю, о котором по ящику сказали, что он бабу на куски порубил. Там тоже базали, что здоровенный, как гора был. Это не о нем? Не о нашем? – вдруг спросил Кот.

– Ха, смотри, и этот телок рубит?! Ну точно Терминатор! Как как в кино! – прыснул Никита. – Теперь по телефону будет искать других мочалок и мочить! Вареник, твоего номера в справочнике нет?

– Ты! Ты... – Новый член бригады не находил слов, чтобы выразить свое возмущение. – Да пошел ты!

– Все! – рявкнул его бывший сокамерник. – Хорош ржать! Смех дело нужное, но делом тоже пора заняться! Что с баблом у нас? Какие темы замутили? У тебя что, Никита, азерами с рынка? Будут платить?

За столом мгновенно наступила тишина. Марат и Никита переглянулись и как по команде опустили головы, пряча глаза.

– Что примолкли? – продолжал Вован. – Я, кажется, спросил о чем-то!

– С азерами глухо, – выдавил из себя Марат. – Они под мусоров легли, теперь РУБОП их крышует. Нам конкретно объявили: сунетесь еще раз на рынок, будут вывозить и здоровье отнимать!

– Кто именно терки вел? – зло спросил бригадир. Он и раньше подозревал, что его приняли не просто так и в камере он оказался под «заказ», но только теперь стал понимать, откуда дует ветер. – Фамилия, должность?

– Макарычев, зам Зурабова, начальника СОБРа, – пояснил Никита. – Через два дня, как тебя закрыли, так они объявились!

Вован сжал кулаки так, что кожа на костяшках пальцев побелела. На скулах заиграли желваки. Он обвел братву тяжелым взглядом и спросил:

– А Молодому говорили? Он как на это отреагировал?

– Молодого самого прессуют всюю, – сообщил Марат. – Я с ним виделся две недели назад. В бегах он. Может, сейчас где-то в Подмоскovie сухарится, А может, и в Питере.

– Ладно, с азерами как-нибудь разберемся, – кивнул Вован. – Анютин платит?

– Куда он денется? – улыбнулся Никита. – Платит, конечно! И он, и «Фламинго». Правда, казино опустили две недели назад. Фраер какой-то залетный. Никто его раньше не видел. Мы хотели взять его, да он делся куда-то. Вроде бы садился в машину... Кот, расскажи, ты же за ним смотрел.

Константин недовольно дернул головой. Нашли-таки как перекинуть стрелки, мол, его был косяк, он упустил залетного.

– Он подошел к машине, к такси. – Кот до сих пор не понимал, как он упустил того длинного, что выиграл куш и испарился. – Я к машине своей, думаю, прослежу до дома, куда он поедет. Такси покатило, он там точно сидел, гадом буду. Я за ними. Подъезжаем к Казанскому, этот, как прокнокал меня, прямо на перекрестке выскочил и в переход! Ну, тот, что с магазином круглосуточным, «Рамстор», кажется. Я туда, вроде бы как к обменнику. Охранник говорит, пункт закрыт. Я ему: как же закрыт, когда дружок, мол, только что вошел? Описываю длинного,

тот говорит: да, был такой. Начали искать, все отделы, все передевалки осмотрели, нет его. Охранник сам засуетился, вызвал начальника смены, ночного директора, продавщиц...

– А в туалете смотрели? – поинтересовался Вареник. – Он там мог спрятаться.

– Вован, ты где этого фуцена нашел? – раздраженно спросил Кот. – Слышь, Вареник, ты...

– И что, не нашли? – Бригадир, предвидя очередной конфликт, предостерегающе поднял руку. – В подсобках, в кабинете директора, смотрели?

– Везде смотрели – как сквозь землю провалился! – Константин покаянно развел руками. – Не поверишь, спать не могу, все никак не пойму: как ему это удалось? Бля буду, сам заплатил бы, чтобы узнать.

* * *

Соколов с тяжелым сердцем проводил последнего из своих учеников и закрыл за ним дверь. Он никак не мог отойти после разговора с Инной Порывайко. Андрей Георгиевич не то чтобы жалел о своей несдержанности, нет, он поступил так, как подсказывала ему интуиция. Нужно же было как-то предостеречь эту неразумную, пышущую неудовлетворенной страстью женщину! Разве что говорить надо было помягче, не так резко! Но что поделаешь, таков уж характер у Наставника.

Не смотря на возраст, сталкиваясь с человеческой глупостью, Соколов по-прежнему был очень несдержан. Именно, из-за этой своей черты он как-то потерял очень влиятельного покровителя. А ведь когда-то Соколов входил в близкое окружение самого Президента страны! Но не сложилось, зато сейчас он вольная птица, чем хочет, тем и занимается, что и кому хочет, то и говорит. Друзья часто пеняли ему, что нельзя быть таким прямолинейным, надо быть терпимее к чужим слабостям, но все напрасно. Андрей Георгиевич с ними соглашался, более того, он и сам клял себя последними словами, но поделать с собой ничего не мог – темперамент оказывался сильнее. Он просто не мог понять, как это люди не видят того, что для него очевидно.

Взять хотя бы сегодняшний случай. Этот неизвестный ему художник, маньяк, как говорит эта озабоченная дура. Кровь в бабе кипит, вот и не замечает элементарного! Мальчишка никакой не маньяк, он талант, он гений! Его беречь нужно, его бы от всех бед в монастырь увести. Да подальше от соблазнов, подальше от зла людского. Затравят парня, как затравили до него многих других. В старину, судя по тем обрывочным знаниям, что удалось получить Соколову, таких, как Чернов, звали Реставраторами. Почему так, Андрей Георгиевич не знал. То ли оттого, что они могли власть царям возвращать, то ли потому, что любую вещь могли восстановить, заставить служить людям. А может, еще какой-то смысл в это слово вкладывался. Во всяком случае, от работ, которые молва приписывала Реставраторам, не тем, что нынче ремонтом занимаются, а настоящим, от которых и само слово это взялось, веяло такой понятной Соколову силой, что держат их в хорошо защищенных и закрытых от чужих глаз местах. Потому как разная это была сила, у кого злая, у кого добрая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.